

Елена Александровна Асеева

*Бой Святозара.
Сыны Семаргла*

Елена Асеева

Бой Святозара. Сыны Семаргла

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Бой Святозара. Сыны Семаргла / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

В итоговом романе «Бой Святозара. Сыны Семаргла» вырвавшийся с помощью Перуна и ДажьБога из царства Чернобога Святозар отправится на помощь к когда-то великому, а ныне вымирающему народу, оный, забыв имена своих богов, встал на путь гибели и вырождения. И в той стране в очередном бою, напившись в мире Нави чёрными силами колдуна, Святозар овладеет магией, доступной только богам. Однако, не изменив чистоте и свету своей души, продолжит битву за заблудшие души людей.

© Асеева Е. А.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	17
Глава третья	25
Глава четвертая	31
Глава пятая	39
Глава шестая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Бой Святозара. Сыны Семаргла

Елена Александровна Асеева

*«Народ может потерять очень многое,
претерпевать всевозможные катастрофы и быть
еще в состоянии подняться. Но им все потеряно и ему уже никогда
не подняться, если он потерял свою душу».*
Гюстав Лебон

© Елена Александровна Асеева, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

«Достойный сын, достойного отца!» – голос Перуна кажется плыл... плавно двигался, проносился в сознании и точно живописал какие-то далекие образы, воспоминания.

Внезапно резкий звук и стук оборвал эти образы. Святозару, по-видимому, закрыли уши и подули в лицо. Перед очами кружащие в черном, густом тумане круги разных цветов стали вращаться быстрее и быстрее, и всякий раз, когда они ударялись друг о друга, слышал наследник тихую, волшебную мелодию и голос старой женщины негромко пел песню про великую восурскую землю.

Святозар открыл глаза, и в первый момент ему показалось, что он лежит на земле, что сейчас глубокая ночь, а прямо над ним раскинулось высокое, черное небо полное звезд. Однако немного приглядевшись, он догадался, что кругом него, ни земля, а черное звездное небо находится не только наверху, но и справа, и слева, и даже под ним. Да, и сами звезды были ярко-голубого, ярко-белого цвета, и необычайно светились и мигали. Святозар смотрел вверх и видел в какой-то неизведанной вышине багряный туман, усеянный мелкими, крупными пылинками, крапинками белого цвета, малеша правее расположилась туманность уже более светлого, нежно-розового цвета, а левее не ярко мерцало крупное синие облако словно собранное из махунечких крупинок. Наследник глубоко вздохнул и пошевелил руками и ногами. Но воздух, который вошел в него, был какой-то плотный и густой, похожий на мерцающие кругом туманы, а ноги и руки наследника были неподвижными, словно он их и вообще не имел или сейчас на широком, овальном переливающимся серебристым светом облаке, лежало не тело, а лишь душа Святозара. Кругом него царила небывалая тишина, будто звуки в этом месте и вовсе отсутствовали.

– Эм... эм... эм, – простонал наследник, и наново попытался пошевелить своими руками и ногами.

Внезапно справа от него ярко блеснул длинный, серебристый, тончайший луч-паутинка, будто протянувшийся по тому черному мареву. И по этому лучу к Святозару подступил ДажьБог. Он был молод и крепок, с высоким лбом, прямым носом, большими голубыми глазами на красивом лице и волнистыми, серебряными до плеч волосами, ярко озаренными золотым нимбом. Наследник поворотил на Бога свои глаза, а тот неспешно встал на овальное облако, и, опустился подле. ДажьБог протянул руку, убрал с лица сына длинную, каштановую прядь волос, а после ласково улыбнувшись, тихо произнес:

– Здравствуй, мой мальчик.

– Здравствуй, отец, – ответил таким же тихим голосом Святозар. – Что со мной? Почему я не чувствую своего тела, рук и ног? И вообще, отец, где мы?

– С твоим телом все хорошо, не тревожься мальчик, – все еще улыбаясь, пояснил ДажьБог. – Твою руку и спину я излечил. А находимся мы с тобой, – и Бог устремив руку вдаль, очертил ею круг. – На небесной, молочной дороге... Но меня беспокоит сейчас, сынок, совсем другое. Время на исходе, скоро из твоей крови иссякнет напиток смольего дерева, и ты замерзнешь здесь. Однако я совсем не затем вырывал тебя из Пекла, чтобы ты, замерз... потому мы должны поговорить... Я должен тебе многое объяснить, а потом, сынок... Потом я верну тебя в Явь и твоё тело, руки и ноги вновь обретут силу.

– Отец, отец, – дрогнувшим голосом отозвался Святозар. – Моя душа слышала ваш разговор с Перуном... и я... – Наследник на миг прервался, подавляя внутри себя рвущийся наружу гнев, а после, добавил, – отец, отец, что же ты наделал... Я не хочу, не хочу быть чарколом, Сатэгой! Никогда!.. Никогда!.. Разве ты не знал как я этого боюсь, как я всегда этого страшился... И этот заговор, который я создал в прошлой жизни. Отец, я его создал, страшась того, чтобы кто-нибудь из моих потомков стал чарколом, а ты... ты... – Святозар замолчал,

и ему показалось, что еще мгновение и он задохнется от обиды и густого, плотного тумана, который заплыл ему в легкие.

– Тише, тише, мальчик мой, – прошептал ДажьБог.

Он торопливо протянул руку, положил ее на грудь Святозара и тихо запел на языке Богов. Его чистый, наполненный могучей силой голос полетел в черную, туманную даль, и увидел наследник, как заколыхались от песни Бога туманности, как затрепетали белые крупинки в них, как замерцали звезды.

– Тише, тише, сынок, не надо, не надо, так тревожиться, – добавил ДажьБог и убрал руку с груди наследника. – Ты никогда не станешь чарколом, никогда не станешь Сатэгой. Ты мой сын, моя кровь и плоть, моя душа... ты мой мальчик... Ты сам есть свет. Ты сам вырос и повзрослел душой, сам стал лазурным и никто тебе в это не помогал, никто не принуждал. Ты, творил все это сам, своими руками, поступками, своей жертвенностью. Ты достоин, достоин, сынок, владеть светлой и темной магией. Ты достоин, быть кудесником, стать Равным Богу! Так решил не только я, так решил и Бог огня Семаргл, и с этим согласился Бог Перун... Ты, только не бойся этого. Не бойся, не сомневайся в себе... потому, что ты сейчас другой, другой, мальчик мой!

– Нет, нет, – все таким же обиженным голосом, откликнулся Святозар. – Не хочу, не хочу быть кудесником, не хочу быть Равным Богу... потому, что я знаю... знаю отец... что тогда после смерти, я не смогу вновь возродиться. И моей душе придется уйти к трону Всевышнего и слиться там в одно единое целое, стать началом и концом... Зачем, зачем, ты это сделал, отец.

– Сынок, послушай меня, послушай, – успокоительно молвил ДажьБог, и, протянув руку, нежно погладил Святозара по волосам. – У тебя всегда есть выбор... всегда. Как только душа первый раз появляется на свете, Богиня Макошь, которая владеет тайной Прави и тайной создания миров, начинает пряхть нить судьбы души. Эта нить, похожа на корень огромного дерева, там множество разветвлений, множество крупных и мелких кореньев и корешков, а иногда и вовсе паутинок. Каждый миг, каждый день, каждый год, каждое десятилетие, каждую жизнь, ты, делаешь собственный выбор того или иного корешка, коренья, паутинки, пути. Ты ступаешь сам, от начала жизни твоей души и до ее конца... И там в Пекле в холодной смертной темнице, где ты превращаешься в тонкую сосульку и от удара об стену разлетаешься на множество крупинок, которые потом, точно такие же черные души в топчат в землю. Или же ты идешь в Ирий-сад туда, где ждут тебя твои дед и баба. – Он на миг прервался, а затем негромко пропел:

«О, как будет им радостно, весело вдруг увидеть тебя!
До сего дня лили слезы они, а теперь могут возрадоваться
О твоей вечной жизни до конца веков!»¹

Дажьбог замолчал, нежно провел пальцами, по глазам и губам своего сына, и продолжил:

– Они обнимут и облобызают тебя и уведут к Сварожьим лугам, где ты будешь вдыхать чудные ароматы цветов, видеть восхитительные деревья и травы, слышать чудесное пение птиц, где ты будешь трудиться на полях и собирать то неповторимое, духовное богатство... богатство с которым ты вновь придешь в Явь и будешь дарить его людям... Но есть еще и третий путь, тот, мальчик мой, который назвал ты, и который ты страшишься. Однако, сынок, я скажу тебе, что лишь Равный Богу может ступить на этот путь, и пойти по нему к новым вершинам, к новым неизведанным мирам, которые станет, он, словно Равный Богу творить... И, ты, мой сын. – И Бог прервался, с нескрываемым чувством любви посмотрел на Святозара

¹ В книге использованы тексты «Лесной С. Велесова книга»: Донское слово; Ростов на Дону; 1995, ссылка http://bookz.ru/authors/s-lesnoi/velesova_027.html

и очень нежно добавил, – ты, мой мальчик, после своей долгой и, поверь мне, счастливой жизни, будешь сам выбирать свой путь... Туда в Ирий-сад или к трону Всевышнего, ты, Равный Богу, сам решишь куда тебе идти.

Святозар смотрел в глаза ДажьБога, видел исходящую из них любовь и теплоту, и внезапно сомкнув свои очи, затих, и словно вновь услышал слова своего деда Бога Перуна: «Но разве он должен так страдать ради сыновей Семаргла, людей которые давно предали и забыли своего отца, которые даже не знают его имя». Губы наследника дрогнули, он открыл глаза, посмотрел в светлое лицо Бога, который нежно ему улыбался и сказал:

– Отец, значит, я шел в Пекло, чтобы стать... кудесником, а потом помочь сыновьям Семаргла, так сказал Перун. Но я так, так истосковался по своим близким... я столько перенес, пережил... И теперь, что ж ты не вернешь меня в Восурию... Ты отправишь меня помогать приолам. Нет, я этого не хочу... Я хочу домой, отправь меня домой, отец.

ДажьБог перестал улыбаться, черты его прекрасного лица на миг заколыхались, он протянул руку и провел пальцем по глазам наследника, да порывисто вздохнув, ответил:

– Я выполню твою просьбу потому, как Бог Перун повелел мне исполнить то, что ты выберешь. Но прежде чем ты скажешь по какому пути пойдешь. Я прошу тебя, выслушать меня... – Бог посмотрел прямо в глаза Святозара и когда уловил в них согласие, продолжил, – ты, пошел в Пекло не ради души Долы, не ради излечения ноги... Ты пошел туда и пробыл так долго, чтобы через раны от кнутов на теле в тебя вошла черная магия. Дабы ты мог стать кудесником, или если тебе понятней чарколом. И все это нужно было, чтобы, ты смог сделать одно деяние.

– Деяние, – переспросил Святозар, не понимая, о чем говорит отец.

– Да, сын, деяние, – кивнув головой, подтвердил ДажьБог. – Такое деяние, могут совершать только кудесники, и чарколы.

– Что? – испуганно воскликнул наследник. – Нет, я не хочу совершать такие деяния, которые совершают чарколы, ты же сказал, что моя душа осталась лазурной.

– Да, это так, – тихо добавил ДажьБог, и как показалось Святозару, отвел от него взгляд.

– Ох, нет, как же я не догадался, – прошептал наследник, и тело его тяжело сотряслось. – Маргасту не удалось меня излечить... теперь я уродлив, да? Конечно, если, я чаркол, то должен быть наполовину светом, наполовину тьмой... и если моя душа светлая, значит уродливо мое лицо, тело...

– Нет, нет, ты, не уродлив, – мягко проронил ДажьБог. – Ты какой был, такой и остался, но шрамы на твоём лице, руках и спине... это и есть та часть тьмы, та часть уродства и зла на тебе.

– И их ты не сможешь вылечить, – печальным голосом, словно самому себе сказал Святозар.

– Нет, не смогу. Я их вылечить не смогу, – согласился ДажьБог и вновь погладил сына по волосам. – Но как только ты, выполнишь то, что просит тебя выполнить Бог Семаргл, и уйдешь домой, я...

– Ах, нет, отец, – перебив ДажьБога, заметил наследник. – Ты ничего не сможешь сделать. Шрамы от тьмы не лечатся, это я знаю из прошлой жизни.

– Сынок, они лечатся, лечатся, эти шрамы, – пояснил ДажьБог, и так как наследник опять тяжело вздрогнул всем телом, нежно провел по его груди ладонью, и легонько подул ему в лицо. – Эти шрамы лечатся любовью... Любовью твоего земного отца. Отца, который сотворил твою жизнь, подарив тебе свою кровь и плоть. Когда ты вернешься в Восурию, Ярил прочитает заговор, который я тебе подарю и излечит все твои шрамы, мальчик мой.

– Я, правда, не уродлив? – взволнованно переспросил Святозар и взволнованно зыркнул прямо в глаза Бога.

ДажьБог улыбнулся, провел пальцами по шраму на левой щеке, и, вздохнув, молвил:

– Нет, сын ты не уродлив. Ты как прежде красив и похож на меня, но шрам твой. Шрам на щеке ужасен.

– Ну, шрам ничего, шрам это не страшно, – спокойным голосом, протянул наследник. – Травяня меня любила и беспалого, а уж к шрамам ей не привыкать... Отец, – глянув на улыбающегося ДажьБога спросил Святозар, – так какое я должен совершить деяние для Семаргла?

– Семарглу нужно, чтобы ты, отправился в Неллию, к вымирающему народу приолов, – негромко стал сказывать ДажьБог. – И помог одному мальчику. Мальчику тринадцать лет, его зовут Риолий, он живет с дедом, который скажем мягко его не любит... Ты, сын, должен прийти к нему, пожить с ним, и открыть в нем магические способности... а потом...

– Отец, отец, магии учат годами, – выкрикнул взволнованно наследник, перебивая Бога на полуслове. – Сколько же мне надо там находиться, чтобы научить его магии, тем более он так юн.

– Нет, нет, не волнуйся. Там не придется учить годы, – пояснил ДажьБог. – Там надо только открыть магические способности в этом теле. Душа этого мальчика в прошлой жизни была великим кудесником. Когда ты откроешь в нем способности, ты должен сделать еще одно... И это самое важное... Ты должен, снять с его души наложенное в Ирий-саду забвение. Риолий должен вспомнить, кем он был раньше и зачем пришел в Явь.

– Отец, – удивленно отозвался Святозар. – Но я, же тебе не прародительница корова Земун, у которой во лбу «Око мира», я не знаю, как это сделать...

– Нет теперь, ты, знаешь, – незамедлительно ответил ДажьБог. – Только заговор кудесника-чаркола и «Око мира» может снять с человеческой души забвение Ирий-сада и Пекла.

– А, Боги, разве не могут это сделать? – поинтересовался наследник.

ДажьБог мгновение медлил с ответом, засим внезапно развернул голову и посмотрел туда вдаль, на туманность нежно-розового цвета, словно услышал и почувствовал, что-то не хорошее. Он внимательно вглядывался в эти розовые переливы какое-то время, а погода развернулась и вновь подул на наследника, да провел своей ладонью по его лицу и телу.

– Нет, Боги, не могут снять забвение, – наконец произнес ДажьБог. – Да и «Око мира» не сможет снять это забвение, ведь детей Бога Семаргла породила не корова Земун... Это вы посуры кравенцы, то есть коровичи, только вам ваша мать может открыть прошлые жизни. Но Риолию, можешь помочь только ты, сынок.

– А, кто этот Риолий? – спросил Святозар.

ДажьБог широко улыбнулся, и отрицательно покачав головой, добавил:

– Ты, сам поймешь, кто? И тебе, поверь мне, будет приятно эта встреча... Лишь ты снимешь с его души забвение, ты будешь приятно потрясен тем, кто перед тобой... Сынок, но пока, ты здесь, Риолий находится в страшной опасности. Его родителей убили, и в любой миг могут прийти за ним, чтобы забрать и принести в жертву, и только ты его можешь спасти, и помочь ему. Но если ты откажешься и Риолий умрет, то у той тысячи истинных приолов, у которых несмотря на вековые извращения веры, все же осталась любовь к Богам и свет в душах, у них не останется никакой надежды на новую жизнь... И вскоре приолы исчезнут с лица земли, так как исчезли когда-то гавры, руахи, дамианцы, рутарийские племена, и ничего не останется от сыновей великого Бога огня Семаргла – Бог замолчал, и ласково проведя по волосам Святозара ладонью, продолжил, – да, и еще, Буря Яга, поведала мне и Богу Перуну, как много душ благодаря твоей ране смогли посветлеть в Пекле... И та последняя душа, которую Радогост наказал на века, и которая века долбила камень, та душа родилась в роду приолов... И если нам не получится помочь Риолию, так у той души тоже не будет никакой надежды на свет и жизнь в этой затхлой, умирающей стране!

– Отец, это нечестно, – взволнованно прошептал Святозар, и голос его затрепыхался. Он обидчиво зыркнул прямо в чистые, голубые отца ДажьБога и добавил, – нечестно говорить

о Джюли... Ты нарочно мне о нем сказал, чтобы я не мог отказаться, но это нечестно так поступать. Не надо было говорить про Джюли.

– Джюли, – изумленно протянул ДажьБог. – А... так звали ту душу, что когда-то предала веру в Богов...

– Да, его звали Джюли, – тихо подтвердил Святозар, и внезапно холодный, ледяной ветер, спустившийся откуда-то сверху прямо с багряного тумана, усеянного крапинками белого цвета, опустился на его лицо, и точно обжег его, насыпав на глаза, губы и кончик носа белые пылинки. – Ай! – вскрикнул от боли наследник.

ДажьБог увидев, как перекошилось лицо сына от боли, провел по поверхности его кожи ладонью, и будто собрав все белые пылинки, откинул их в сторону, да вновь легонько подул на него, согревая своим дыханием, а посем заметил:

– Не скрою, сынок, я нарочно тебе сказал, про эту душу. Потому, что эту душу, ты не просто возродил, ты ее переродил своей кровью и любовью. Ты стал для этой души духовным отцом. Не поделись ты с ним своей кровью. Не пожертвуй, наверняка через боль, ты для нее своей крови, никогда бы этой душе не увидеть Явь, никогда бы ей не переродиться... Твоя жертва, твоя любовь и я уверен, твои наставления вывели эту душу из мрака, дали ей новый путь... И теперь эта душа, точно твой сын, будет всегда внушать тебе чувство любви, трепет и беспокойство за тот путь по которому она шагает... А, у этой души впереди множество корешков, кореньев, паутинок, у нее впереди не одно сражение с врагом веры, не один поединок с демоном, который обязательно явится требовать себе то, что когда-то принадлежало ему. Это душа вошедшая в новое тело должна будет исправить все то, что она натворила в прошлых жизнях, она будет много страдать, она будет проливать свою кровь, она будет часто плакать и падать, а утирая слезы, подниматься и шагать вперед, туда, туда к Ирий-саду... И, что увидит эта душа, возродившись в этом человеке, либо смерть в самом младенчестве, как принесенная жертва, выдуманному господу, либо продолжит она свой путь и будет жить, биться и трудиться во славу твоего отца ДажьБога, любовь к которому в нее вложил, ты, мой сын... И выбор его пути сейчас в твоих руках, сынок.

– Ах, отец, только не это... не это, – дрогнувшим голосом, прошептал Святозар. – Не ставь передо мной опять этот выбор... Я и так столько дней страдал из-за этого выбора. Выбора, который поставил передо мной и Джюли Чернобог... ты не должен был мне об этом говорить. Разве теперь я могу отказаться помочь Джюли, ведь я так хотел, чтобы он ушел в Явь светлым. Я так хочу, чтобы он жил. Я не должен был знать о его жизни.

– Да, но теперь, ты, знаешь, – широко улыбнувшись, молвил ДажьБог и положил свою ладонь на лоб Святозара. – И знаешь, я раскрою перед тобой еще кое-что, да простит меня за то Богиня Макошь... Если эта душа останется жить в Яви, в том теле в котором сейчас возродилась, то этот ребенок вырастит и превратится в честного, чистого, светлого человека. И этот человек станет посланником у нового правителя приолов и когда-то... Когда, ты, будешь уже седым правителем, щедро обсыпанным своими сыновьями и внуками, он приедет в твой светлый и великий Славград, и вы встретитесь, и вспомните друг друга, потому что таким душам, прошедшим вековое наказание в Пекле, река забвения не смывает до конца все воспоминания. И, твоя сын, любовь, твои наставления будут поддерживать его на протяжении всей его жизни, подсказывая правильность пути, потому как там, в Пекле он внимательно слушал тебя, и все твои слова впитывал в свою душу.

– Значит, мы встретимся с Джюли, – радостным голосом поспрашал Святозар. – Еще до Ирий-сада?

– Да, мой сын, встретитесь в Яви, но это произойдет только тогда, – закачав головой, ответил ДажьБог. – Только тогда, когда мальчик Риолий станет правителем приолов, сможет преодолеть забвение Ирий-сада, сможет обрести магические способности... Это произойдет

лишь тогда, когда мой сын, Святозар, мой дорогой и бесценный для меня мальчик, выберет верный путь.

Даже Бог смолк, и принялся нежно гладить наследника по волосам. И ледяной ветер с колкими, белыми крупинками, наново прилетевший с багряного тумана, жаждущий опять обжечь его, стал теплее и мягче. Святозар молчал и обдумывал слова Бога, и ему было так хорошо, так чудесно находится здесь на этой небесной молочной дороге, рядом с близким, дорогим его душе Даже Богом, и он закрыл глаза, наслаждаясь покоем, который возник в его душе. Однако внезапно прямо перед его сомкнутыми очами, прошла вереница черных душ несущих в своих ладонях воду, а после наследник увидел лицо демона Босоркуна, его белые губы, точно обсыпанные снегом, с изогнутыми уголками, и почувствовал нестерпимую боль в шрамах, нестерпимую боль в теле, тоску, бесконечную тоску по близким, и застонал.

– Что, что мальчик мой? Что с тобой? – встревоженным голосом спросил Даже Бог.

Святозар открыл глаза и тихим, наполненным болью голосом, сказал:

– Отец, значит, отправляя меня в Пекло, и ты, и Семаргл, вы оба знали, чтобы я смог стать чарколом...

– Кудесником, сынок, кудесником, – перебив наследника, поправил его Бог.

– Эх, отец, разве это важно, кудесник, чаркол, – заметил Святозар. – Разве это важно... Важно то, что отправляя меня туда, вы оба, мой отец и мой Бог, вы знали, какую придется преодолеть мне боль... Вы знали, что меня будет бить ледяными кнутами Пан... Знали, что я перепутаю озера... Знали, что Пан обожжет меня своим кругопосохом... Знали, что мне придется тосковать, страдать и долгое, долгое время смотреть на мучения этих душ... Вы знали, что Чернобог будет леденить мои раны своим взглядом, а Босоркун плясать передо мной... и все же послали... послали меня туда... ради приолов... ради народа, который забыл имя своего отца Семаргла, да?

– Сынок мой, успокойся, – ответил Даже Бог, после непродолжительного молчания. – Я вот, что тебе скажу... Конечно, и я, и Семаргл, мы знали, каков твой путь... И прости меня, но это я не позволил Вед указать тебе, то озеро из которого, ты должен был набрать воду для излечения ноги... Потому как нам было необходимо, чтобы Пан тебя схватил, и чтобы... и чтобы мальчик мой, – Бог прервался, муторно выдохнул и наследник увидел, как в его глазах блеснули серебряные слезы. – Нам надо было, чтобы Пан бил тебя кнутами, чтобы они закрыли тебя в темницу, и, чтобы через раны на твоём теле в тебя вошла черная магия... Поверь мне, сын, я долго не соглашался на это... Ведь Семаргл, он предложил мне это, еще тогда, когда ты был совсем дитя, когда тебе было пять лет, и ты жил на берегу Северного моря с тетей и дядей... Тогда, он, впервые мне это предложил, но я отказался. Однако Семаргл убедил меня, что это нужно не только приолам, но и восурам... Ведь если приолы погибнут, как погибли руахи и гавры, как погибли дамианцы, так останутся лишь восуры и игники, хранящие веру и любящие светлых Богов... Но и игники, и восуры могут также предать веру, и забыть имена своих Богов, и что же потом... что будет потом? А потом ничего не останется... будут жить в Яви другие Боги, мертвые или вымышленные. И тогда придется нам уходить с Яви, или сжигать Явь, уничтожая эту скверну... так, как это делали мы раньше... Поэтому сын, поэтому я и пошел на это... И еще я думал о тебе, о твоей, мой мальчик, душе. Ведь я знал, что когда ты вырастишь и благополучно вернешься к Ярилу. Я знал, что ты пойдешь в Беловодье, знал, что ты все вспомнишь и будешь исправлять когда-то допущенную ошибку... Я знал, что смогу помочь твоему потомку Эриху. Но я также знал, что Доле, помочь не смогу... И будет она вечно мучиться на поле неприюта, покуда не превратится в ничто, а твоя душа будет бесконечно страдать от мысли, что душа твоей матери находится в Пекле. И зная тебя, я был уверен, ты будешь изводить себя этой мыслью, всю свою оставшуюся жизнь... Потому я и согласился с намерениями Семаргла, и только тогда он позволил возродиться душе в теле мальчика Риолия. Посему Семаргл и прислал тебе в помощь свой щит и заговор, помог зашить рот куску

Нука в теле Эриха, оживил Алконост и все время был рядом с тобой... Не столько я, сколько он... – ДажьБог смолк, провел своими тонкими пальцами по шраму наследника, и добавил, – а боль мой мальчик... Боль она необходима. Она часть этой жизни. Мать которая дарует жизнь, испытывает боль, но она женщина, идет на это всякий раз, потому как знает, преодолев эту боль она получит, нечто восхитительное и прекрасное. Она получит чудо и имя этого чуда-сын, и имя этого чуда-дочь. Она, мать, засим еще не раз испытает физическую и духовную боль, покуда это чудо встанет на ноги, покуда заговорит, покуда пойдет по пути. И всякий раз, когда ее сын или дочь будут оступаться, спотыкаться или падать, она, мать-женщина будет испытывать боль, будет шагать рядом, вместе со своим чудом, будет плакать, и поднимать свое дитя, будет учить и любить его... любить и любить его... И ради этого, она идет, на ту первую боль и на все последующие, но лишь преодолев эту боль, лишь забыв о ней, мать получит в дар нечто такое же необыкновенное и прекрасное. Она получит в дар чувство любви от своего дитя. Она получит продолжение своего рода и вечную, не умирающую молодость в красоте своих потомков. Так и ты, мой сын, лишь познав страдания и боль, почувствовав ледяное дыхание тьмы на своих ранах, мог получить способности кудесника и сохранить нетронутую чистоту своей души. – ДажьБог опять замолчал, и улыбнувшись, сказал, – Бог Семаргл очень хочет, чтобы ты помог Риолию, помог остаткам его народа... Он не станет тебя принуждать... и я не стану... Но мы оба просим тебя, помоги этому мальчику, этим людям. Потому, что этот народ себя изжил... И наверняка сам Чернобог... Сам Чернобог хочет перерождения этого народа, иначе бы он не позволил тебе открыть ворота Пекла... Ведь они не открываются ни кому без позволения Чернобога.

– Да, отец, ты прав, – откликнулся Святозар, и неожиданно порывисто вздрогнуло его тело. ДажьБог провел рукой по телу и тихо подул на него. – Да!.. да! – громко выкрикнул наследник, – теперь понятно, почему он меня впустил в Пекло. Почему лелеял... Он хотел, чтобы я стал кудесником и пошел в Неллию, и вернул этому народу веру... Потому как, он и сам мне говорил, и говорил это демон его Босоркун, что это надо ему, а не кому-то другому. И он говорил, чтобы я эти слова передал, кому следует, то есть тебе и Семарглу... Он хотел возрождения веры в Неллии, но зачем? Зачем ему это надо? Ведь он же зло, и все предатели веры уйдут к нему в Пекло, пополнят ряды его воинства... Зачем же он все это затеял и поддержал ваши намерения, отец?

– Зло, сынок, оно очень умное и изощренное, – тихим голосом произнес ДажьБог, и, повернув на мгновение голову, поглядел назад. А там в той далекой небесной дали, где-то совсем рядом с розоватой туманностью, вдруг, что-то блеснуло ярко, ярко. – Оно, наверняка, умнее добра... разумнее, не мудрее, а именно разумнее. А сам повелитель тьмы Чернобог, он всегда бился с добром и светом... Но он не только любит победу, он любит и саму битву, и само сражение, и именно этим живет, смысл его жизни извечная борьба... борьба с добром и нами... Когда-то он послал своих демонов и они шептали в уши Альби-Сантави, они учили его новой вере, они бились и сражались с теми, кто отвергал ее... Но сейчас в Неллии не осталось ратников света, а те, что еще верят в свет, их знание такие... мягко говоря, такие не верные, что они все после смерти идут в Пекло.. И нет борьбы, нет сражения для Чернобога, для его демонов... Именно поэтому он позволил тебе пройти этот путь, позволил излечить ногу, чтобы ты мог быть сильным, потому как на исполнение того, что предстоит тебе сделать, уйдет много твоих душевных и физических сил. И, будем, мальчик мой, справедливы, к нему, – и Бог негромко засмеялся. – Видеть в Пекле сына своего злейшего врага... позволить ему выручить душу матери... излечить свою ногу, осветляя душу... О! мне очень жаль Чернобога! Сколько он несчастный, пережил неприятных моментов, покуда ты был там.

– Ага, – откликнулся Святозар и также чуть слышно засмеялся. – Ты даже, отец, не представляешь, сколько я доставлял там хлопот не только добрейшему воеводе Вию, но и Чернобогу. Ведь Пан, чуть было не убил меня, своим посохом, потом Чернобог излечил мои раны

послав ощеру, потом выполнил мое условие, не тронув душу Джюли... Да, отец, я согласен, надо быть благодарным не только Вию, но и Чернобогу.

– Ах, ты, мальчик мой, мой сын... как ты похож на меня, – и Бог нежно провел указательным пальцем по носу наследника. – Я был уверен в тебе, в твоей душе и силе, в твоей мощи! Я был уверен, что не один Чернобог не сломит твой дух, дух ратника и воина!

– Да, отец, не один ты заметил, что я похож на тебя, – добавил Святозар и с нежностью посмотрел в глаза ДажьБога. – Все кто меня встречал на моем пути, все и Вольня, и Черномор, и Вий, и даже дурашман Пан, и Бог Перун, все замечают, как я похож на тебя.

Святозар замолчал и внезапно слева, от него, прямо от темно-синего тумана, оторвался длинный кусок облака похожий на хвост или бороду, усыпанный по поверхности крупными, круглыми крапинками, ярко горящими точно белые алмазы и полетел прямо на лежащего неподвижно наследника. ДажьБог увидел этот длинный хвост и тут же поднялся на ноги, он протянул навстречу облаку руку, но тотчас послышался звонкий удар бича, так, что в ушах Святозара зазвенело, и на миг перед глазами поплыл густой, черный дым.

– Дыши, дыши, сынок, дыши, – тихо прошептал Бог и подул на сомкнутые глаза.

Святозар открыл очи, глянул налево и увидел там осыпаящиеся вниз в черную глубину белые, крапинки алмазы. Он перевел взгляд на ДажьБога, тот уже вновь сидел возле него, и, положив на грудь руку, тревожно смотрел на сына.

– Что это было? Такой резкий звук?

– Это Семаргл, – немедля пояснил ДажьБог и провел рукой по телу, лицу и волосам наследника. – Просто сынок, время на исходе.

– Семаргл? – переспросил Святозар. – Он, что рядом?

– Да, конечно, он рядом, – молвил ДажьБог. – Он ждет твоего решения, а покуда ты его не принял, укрывает нас с тобой, и оберегает.

– А, почему, он не пришел? – поинтересовался наследник, и перевел взор на розовый туман, подле оно, как ему показалось, и находился Бог огня Семаргл.

– Он, решил, что все тебе объяснить смогу лишь я, – почему-то тяжело вздохнув, проронил ДажьБог. – Он решил, что отцу и сыну следует побыть вместе... И он не хочет тебя заставлять. Он хочет, чтобы ты, сделал свой выбор сам.

– Отец, я слышал, что Бог Перун, расскажет все Сварогу и..., – наследник смолк, оно как ему вдруг дюже захотелось уснуть и даже глаза стали закрываться. Однако он подавил в себе слабость, несколько раз поморгал, прогоняя сон и добавил, – Бог Перун сказал, что потребует для тебя и Семаргла наказание... Знаешь... скажи Сварогу, чтобы он вас не наказывал, чтобы...

– Ах, ты, мальчик мой, – перебил наследника Бог, и прикрыл ему рот пальцами. – Беспокойная ты душа... не тревожься о том, сынок, не тревожься... Уж Семаргл не даст в обиду ни себя, ни меня... поверь мне. Он уже все сказал своему отцу и моему деду. Он уже оправдал нас в его глазах... и хотя Сварог был сердит, но все же согласился с доводами своего старшего сына... Поэтому-то, я и смог сейчас к тебе прийти и поговорить, потому как Сварог и Перун мне это позволили... Позволили мне поговорить с тобой, с условием, что ты сам выберешь свой путь. Туда в Славград или к маленькой деревушке, лежащей на небольшой речушке в Ултакских горах, куда тебя отнести? В Славград отнесу тебя, я, сын мой, а в Ултакские горы Семаргл... Что ты, и кого ты, сейчас выберешь, ответь мне, сынок.

– А, если, я выберу Славград, ты подаришь мне заговор, – спросил Святозар и в упор глянул на Бога. – Чтобы мой земной отец, излечил меня?

– Да, сын, подарю. Я дал слово Перуну и Сварогу, своему отцу и деду, выполнить твое желание, и я подарю тебе заговор, чтобы ты, стал прежним. – ДажьБог помолчал немного, и уже более тихо продолжил, – в первой твоей жизни, я подарил тебе тело, и мог излечить тебя

от шрамов ягьни Ерку... Но я не стал этого делать в назидание тебе, потому как, ты, послушался меня и повел мой молодой народ восуров на смерть, на верную гибель.

– Но, мы, победили Ерку, отец, – гордо, заявил Святозар.

– Да, сын, но сколько тогда, ты, потерял моих сыновей, вспомни, – с болью в голосе, протянул ДажьБог, и его божественные губы дрогнули. – Я никогда не забуду усеянное убитыми телами восуров поле боя, никогда не забуду разорванные части тел моих детей, когда я и Перун явились на помощь, а ты убивший Ерку, потерял сознание и умер.

– Ты... ты... отец, приходил на поле битвы, – ошарашено глянув на ДажьБога, поспрашал наследник. – Но я не знал того... Никто не говорил мне, ни воины, ни Гмур, ни ты...

– Конечно, приходил... неужели ты мог подумать, что я брошу умирать свой народ, – дрогнувшим голосом отметил ДажьБог. – Мы пришли с отцом и сожгли остатки войска Ерку. А когда я увидел сколько погубило моих сыновей... я был очень сердит на тебя... очень... И я решил, что тебя не следует возвращать к жизни... Но Перун который всегда вельми сильно любил тебя. Он спустился на землю, разыскал твое тело среди павших, и поцеловал тебя в лоб. И тогда к тебе вернулась покинувшая тело душа. Он взял с уголков своих очей две слезинки и нанес тебе их на спину, а потом передал тебя, этому мальчику... как же его звали?... Ах! Да, Славомиру... Только потому, что Перун окатил твою спину своими слезами, ты смог выздороветь... Я запретил твоим воинам и Гмуру, сказывать, что мы приходили... И был очень на тебя сердит сын, потому как одним махом моего меча, ты было не уничтожил всех моих сыновей.

– Нет, отец, ты не прав, – отозвался наследник. – Моему народу все равно пришлось бы биться с Ерку, и если не моему сыну, то моему внуку... И я думаю, неизвестно, каков был бы исход того боя, ведь моего меча не было ни у моего сына, ни у моего внука...

– Да, твоим детям, пришлось бы останавливать Ерку, – кивнув головой, согласился ДажьБог. – Но это было бы намного позже. Это был бой твоего правнука, и его уже более многочисленного воинства... И бой тот был бы жаркий, но не такой кровопролитный. И он бы не поставил под угрозу выживания весь народ восуров... Ты, должен был меня послушаться, должен был поступить так как я велел.

– И, что? – громко спросил Святозар и с обидой глянул на Бога. – Ты, считаешь, я должен был отказать в помощи гомозулям, разрешить этому созданию, козлоногого Пана, съесть, уничтожить целый народ, внуков, правнуков Перуна, моего Бога... Нет, отец! Ты, знал, что я не мог так поступить... и не зачем этого было от меня требовать.

– Ладно, не будем говорить о былом... потому как, каждый из нас до сих пор остается при своем мнении, – дуже тихо произнес ДажьБог. – Сейчас я хотел сказать не об этом, а о другом... И я не хотел, чтобы ты, вновь все это переживал и тревожился. Потому что ты и так прошел тяжелый путь, который я просил тебя пройти... Я просто хотел, мальчик мой, объяснить... – Бог на малеша прервался, провел рукой по волосам сына. – Объяснить, что в той первой жизни я мог убрать твои шрамы, но не стал этого делать... Когда же ты, был Богомудром, и тело твое породили земные люди, твои шрамы мог снять твой отец, Любомысл. Но к тому времени, как ты ими обзавелся, его на свете не было, да и он не обладал магическими способностями. Но сейчас все по-другому, Ярил, сможет исцелить тебя, он твой земной отец и он владеет магией. Потому, я подарю тебе заговор, и ты, мой мальчик, избавишься от этих шрамов. – Бог замолчал, а немного погодя, поспрашал, – значит, ты выбираешь Славград?

Святозар посмотрел в лицо ДажьБога и увидел там затаенную грусть. Он перевел взгляд на далекий розовый туман, и подумал, что сейчас от его выбора зависит не только судьба мальчика Риолия, но судьба целого народа... Некогда великого народа Бога Семаргла, который наверно сейчас, вот также взволнованно, как и его отец, ожидает его выбор. Выбор, который они обещали самому Сварогу и Перуну выполнить, и неужели... неужели он сейчас отступит, поддавшись своей тоске. А посем наследник широко улыбнулся, вспоминая слова Босоркуна, который сказал, что ему Святозару все равно придется выполнить то, что желает Чернобог,

потому как впервые желание светлых Богов и желание его, Чернобога, одинаковы, да негромко засмеявшись, ответил:

– Нет, отец, я выбираю деревушку в Ултаских предгорьях. Только, как же я с ними буду говорить, ведь я не знаю язык приолов.

И в тот же миг засветилось радостью лицо ДажьБога, а над волосами его ярко вспыхнул золотой нимб. Он широко улыбнулся и довольным голосом молвил:

– Это ничего, ничего... Семаргл отнесет тебя и подарит знание этого языка. Он вложит его в тебя, и когда ты проснешься, сможешь говорить на нем так же легко, как и на восурском. – ДажьБог замолчал, кивнул сыну головой и добавил, – значит, ты выбираешь Неллию? Скажи об этом громко, чтобы слышал Перун и Сварог, чтобы обрадовался Семаргл.

Наследник глядел на светящееся лицо своего Бога и отца, а после перевел взор на розовый туман и сказал очень звонко:

– Светозарый Бог мой, Семаргл, я выбираю деревню приолов, мальчика Риолия и душу которую я возродил.

И тотчас перед глазами наследника на морг проплыл густой, желто-красный туман и опустился на его тело, опустился на лицо и точно впитался в поверхности кожи. А ДажьБог поднялся на ноги и, повернув голову, посмотрел назад.

– Отец, погоди, – взволнованно крикнул Святозар и тяжело вздрогнул телом. – Не уходи, мне надо спросить..

– Нет, нет, я не уйду, не тревожься, – тихо заметил Бог и воззрившись на него сверху вниз. – Что, ты, хотел спросить, мальчик мой?

– Во-первых, я хотел, узнать как там мои родные, Любава, мой сын? – поспешил задать вопрос наследник и вновь его тело тяжело вздрогнуло.

ДажьБог увидел взволнованное лицо сына, его тяжело вздрагивающее тело и сызнава присев рядом, погладил его по волосам, провел рукой по телу, и подул в лицо, да нежно улыбаясь, произнес:

– С ними все хорошо, они ждут тебя. – Он на мгновение затих, покачал головой и его серебряные кудри рассыпались по плечам, а после, дополнил, – каждое утро Тур берет Воронка и едет к Стояну, чтобы посмотреть какого цвета камни на цепочке Яронег. А затем он возвращается обратно, радостно напевая, потому как камни на цепочке Яронег, ярко горят зеленым светом, и все твои близкие знают, что ты жив. Твои... вернее твой ребенок еще не родился... Но когда ты вернешься домой, тебя будет ждать там подарок, дар... и он твой сын, уже начнет свой путь.

– Дар... что ты имеешь ввиду, говоря про подарок? – переспросил Святозар.

– О, если я тебе об этом скажу, это уже будет не подарок, – отозвался ДажьБог. – Но, что ты еще хотел у меня спросить?

– Отец... моя мать Дола.. Я правильно понял, она не ушла в Ирий-сад, она возродилась? – торопливо поспрашал наследник.

– Да, сын. Дола не заслужила Ирий-сада, – все поколь покачивая головой, и колыхая серебряными кудрями, пояснил ДажьБог. – Она вновь возродилась в Яви, дабы прожитой новой жизнью, доказать Богам, что достойна Ирий-сада и встречи со своими близкими и родными.

Святозар какое-то время молчал, не зная, как сказать ДажьБогу о том, что его тревожило уже так долго, он слегка скривил губы, и погода, будто набравшись храбрости, наконец протянул:

– Отец, у меня, у меня есть просьба... и раз я выполняю ваше... Ну! твоё и Семаргла, желание... ты можешь выполнить мою просьбу?

– Твою просьбу, – удивленно проронил Бог. – Конечно, мальчик мой, если у тебя есть просьба и я в силах ее выполнить... Я, конечно же ее выполню. Что ты хочешь, сынок, говори.

– Я не прошу для себя, – прерывистым голосом сказал Святозар, и посмотрел прямо в голубые глаза отца, а Бог увидев, что наследник колеблется, кивнул головой. – Отец, когда я был в Арапайских горах, я встретился там с дивными людьми, и узнал, что они до сих пор несут наказание. Я очень, очень тебя прошу, ну, упрости ты Сварога, чтобы он простил этот народ, чтобы он снял наказание, позволив им умирать и рождаться... Ради меня, пожалуйста.

– Светлый, ты, мой мальчик, – широко улыбнувшись, молвил ДажьБог и провел рукой по волосам. – Я знаю, что ты виделся с этим народом, и вельми рад, что ты хочешь им помочь... Но только обращаешься ты не к тому, к кому следует... Не Сварог, а Семаргл и Перун накладывали на них наказание... И если Перун уже давно их простил то Семаргл весьма строг и так быстро не прощает... А потому, я и послал тебя в Арапайские горы к дивным людям, гомозулям и лонгилам, чтобы ты смог им помочь... И если души гомозулей ты вернул на правильный путь, если лонгилам ты подарил, – и Бог тихо засмеялся. – С моей помощью, Ныншшу... То о дивных людях надо попросить Семаргла... Я просил много раз, он мне отказал... Он видел тебя у них в гостях, и так глянул на меня, что я не стал просить вновь. А значит, мы с тобой должны, мой сын, сделать по-другому.

– Как? – взволнованно спросил Святозар. – Я должен сам попросить?

– Вот именно, мой мальчик, – чуть слышно пояснил Бог. – Тебе он не откажет, особенно теперь, когда ты выбрал Риолия... Он не откажет никакой твоей просьбе.

Святозар внезапно почувствовал, как опустившийся сверху из багряного тумана ледяной ветер завихрился, где-то совсем близко, словно стараясь окружить и поглотить его лежащее неподвижно тело и также тихо поинтересовался у ДажьБога:

– И мне, что надо опять громко сказать?

ДажьБог на миг оглянулся, и отрицательно покачав головой, произнес:

– Нет, сейчас, не стоит его об этом просить, он ушел... Но раз, ты мой мальчик, выбрал Ултаские предгорья и его... и Риолия, у тебя будет возможность попросить Семаргла о прощении дивных людей. И тогда, я уверен, он не станет. – Бог снова засмеялся и досказал, – да, и не сможет тебе отказать. А теперь... – ДажьБог склонился к лицу Святозара и поцеловал его в лоб. – А теперь, спи и набирайся сил. И помни, ты должен снять забвение с души Риолия, это самое важное... заговор в твоей душе. Помоги мальчику и приолам.

Святозар почувствовал, как после поцелуя отца, руки, ноги и тело стали наполняться жизнью, глаза тяжело сомкнулись и нежданно он услышал кругом себя шепуршание, шепот и шелест, где-то совсем рядом стучало большое красное сердце, кто-то громко бил молотом по наковальне, а откуда-то издалека долетал резкий, отрывистый свист. Перед глазами наследника поплыл багряный туман, а в нем мерцали голубые, белые и синие звезды. А после звезды пропали, туман испарился и Святозар увидел впереди прекрасный город. Там где сливаются вместе река Бурная и Спокойная, на небольшом возвышении величественно красовался престольный град, окруженный крепостными стенами с круглыми башнями. Наследник увидел Славград, тяжело застонал, вскрикнул и проснулся.

Глава вторая

Святозар открыл глаза, он лежал на спине, под высоким стройным с тенистой кроной деревом. Яркие лучи солнца, с трудом пробиваясь через ветки и желтовато-зеленые листья, падали на землю и согревали наследника. Святозар глубоко вздохнул и ощутил сладковатый запах земли и травы, услышал тихие, еле слышимые трели птиц, почувствовал легкий, теплый ветерок, который ласково гладил его по лицу. Наследник сел и огляделся, несомненно, он был в Яви. Кругом него по земле стелилась низкая, пожухлая трава, а поломанные ветви и упавшие деревья говорили о том, что Святозар находится в лесу. Наследник оглянулся и увидел сзади, справа и слева от себя невысокие холмы, поросшие лесами, и понял, что он находится в горном лесу. Он сидел под двадцатисаженным вязом с мощным стволом, прямо к нему подходила тонкая, точно звериная тропа, а где-то невдалеке слышалось журчание воды. Обок росли более низкие деревья: дуб, ясень, бук, липа, клен, и хотя они были ниже вяза, но имел не менее широкие стволы и густые кроны. С деревьев срывались желтоватые листья, и тихо кружась в воздухе, грациозно летели вниз к земле. Внезапно Святозар услышал тихую песню. Юный голос выводил ее слова не громко, но эхо разносило песню далеко кругом. Голос приближался и вскоре наследник смог разобрать слова песни:

«Ты, великая и прекрасная моя земля,
Наполненная светом моей любви!
Лейся из меня добро и насыщай мою землю!
Впитывайся в мое дыхание ветерок и солнечный луч, цветок
и ствол дерева!»

Слышно было, что тот кто пел эту песню, создавал ее тут же, наслаждаясь красотой вечного леса, его силой и мощью. Теперь Святозар был уверен, что песню поет юный отрок, он шел по тропинке, к вязу под которым тот сидел. Вначале мальчика не было видно, но вскоре мелькнула его голова, покрытая темно-пшеничными, волнистыми волосами, а после он показался и весь. Это был невысокий, худенький отрок лет двенадцати на вид, одетый в какие-то оборванные, чуть ниже колен штаны, и такую же оборванную до локтей серо-грязную рубаху. Отрок ступал босыми ногами по тропе, а через плечо у него была перекинута темно-бурая, прямоугольная, полупустая сума, укрепленная на потертом и дырявом ремне. Мальчик шел неспешно, оглядывая лес, его детское личико было очень красиво, высокий лоб, дугообразные, тонкие, черные брови, прямой с горбинкой нос, ярко-алые, большие губы. Когда отрок увидел сидящего под вязом Святозара, он остановился, и глянул на него, насыщенными, ярко-голубыми глазами. Еще миг он колебался, повернуть ли назад или идти вперед, но все же решил выбрать последнее и пошел навстречу к наследнику, а подойдя почти вплотную к нему, остановился. Отрок смело глянул в глаза Святозара, и гневно спросил:

– И чего вы тут сидите? Дерево это я вам не дам срубить... только попробуйте... только посмейте.

– Ты, Риолий? – догадавшись, кто перед ним, впрочем поспрашал Святозар.

– Риолий и что? – все тем же гневным голосом откликнулся мальчик и бросил сердитый взгляд на наследника.

– Риолий, не стоит на меня кидать такие взгляды, я их вряд ли убоюсь, – улыбаясь, заметил Святозар. – Уж я, последнее время видал такие взгляды, что твои меня точно в трепет не приведут... Так, что лучше, давай садись рядом, мне надо с тобой поговорить.

Риолий услышал приглашение Святозара и порывчато отскочил назад. Он быстро сунул левую руку в свою суму, достал оттуда костяной нож и направив его на наследника, громко крикнул:

– Ну, нет! Вам до меня не добраться... Я вам живым не дам, – и принялся пятиться назад.

– Риолий, ты чего? – испугавшись за отрока, спросил наследник. – Я тебе не враг, не враг, слышишь Риолий... Я пришел тебе помочь... Меня послал Бог Семаргл, чтобы я спас тебя.

– Лгун, лгун, – закричал мальчик, и, продолжая сжимать в левой руке нож, кинулся на Святозара. – Не смей, страшилище вспоминать имя Бога, не смей!

Риолий не добежав до Святозара шага два, остановился, и, глядя на него сверху вниз, направил на его лицо свой нож. Наследник видел взволнованное лицо мальчика, его крепко сжимающую нож руку, и само костяное, плохо заточенное лезвие, он тяжело вздохнул, поднял руку, и, потрогав свой широкий шрам на щеке, ответил:

– Это очень жестоко, так говорить Риолий. Ведь я тебя не оскорблял и не унижал, зачем же ты, так сказал.

Святозар поднялся на ноги, и, встав, выпрямился, расправив свои крепкие, затекшие от долгого лежания плечи и теперь уже сам посмотрел на мальчика сверху вниз, а тот отступив назад с нескрываемым восхищением оглядел крепкий стан незнакомца, и бросил более жалостливый взгляд на его шрам.

– И, ты, зря говоришь, – ровным, спокойным голосом, продолжил наследник. – Что я не должен вспоминать имя своего Бога... Каков же я буду восур, если не буду помнить имена своих Богов: Сварога и его сыновей Сварожичей: Семаргла, Перуна и ДажьБога.

– ДажьБог, – удивленно повторил имя Бога мальчик и покачал головой. – Впервые слышу имя этого Бога... Так, ты, не нелл, ты восур... А почему ты, тогда так хорошо говоришь по нелльски? И что тут делаешь? Как сюда попал? И откуда, ты, знаешь мое имя?

– О... – протянул Святозар, и посмотрел прямо в голубые наполненные беспокойством глаза мальчика. – И сразу так много вопросов. На какой же ответить первый... Без сомнения на вопрос о Боге, так вот, ДажьБог это сын Бога Перуна, внук Бога Сварога и прародитель всего восурского народа. Именно ДажьБог и Бог огня Семаргл и прислали меня сюда, чтобы я защитил и помог тебе.

– Защитил, – мальчик громко засмеялся, и покрутил своим костяным ножом, описав им небольшой круг. – Как ты можешь защитить меня? У тебя нет ни меча, ни лука, ни щита... Ха... ха... ха... у тебя нет даже костяного ножа. Что же хорошего защитника мне прислали.

Наследник мгновение медлил, а после протянул руку, направил ее на выставленный Риолеем вперед нож, и тихо прошептал заговор. И тотчас, острие ножа ярко вспыхнуло лазурно-золотым светом и капельки лазури двинулись по его лезвию, перебежали на пальцы мальчика, и направились по самой руке к телу. На теле они разделились и заструились на правую руку, грудь и спину, а покрыв туловище отрока, соскользнули на широко расставленные ноги. И когда весь мальчик уже горел нежной лазурью, Святозар еще раз тихо шепнул, и немедля лазурь ярко вспыхнув, пропала. А на Риолии оказались новые, длинные до стопы светло-серые штаны и светло-серая рубаха, а в руках нож с бронзовым лезвием и костяной, белой ручкой.

– Ах, – изумленно воскликнул мальчик, и, перестав смеяться, принялся ощупывать на себе вещи и разглядывать свой нож, все еще не отводя глаз от бронзового его лезвия. – Ты, что чародей, волшебник? – спросил он миг спустя.

– Нет, – скривив губы, при слове чародей так, будто его обозвали, ответил наследник. – Я ведун.

– Ведун. Восур. И тебя прислал Семаргл и ДажьБог, – восхищенно шепнул мальчик и поспешно убрал нож в суму, точно опасаясь, что его сейчас отберут. – Наверно, я сплю, и мне все это снится, – добавил Риолий и похлопал рукой суму, проверяя на месте ли нож.

– Нет, нет, Риолий, тебе это не снится, – успокоил мальчика наследник. – Это все на самом деле происходит.

Риолий теперь посмотрел на Святозара уже более благодушно и негромко произнес:

– Я не хотел тебя обидеть восур, прости меня.

– Меня зовут Святозар, – сказал наследник и увидел, как мальчик резко вздел вверх свои брови.

– Святозар, где-то я слышал это имя, – отрок поднял левую руку, пригладил непослушные волосы, которые при малейшем порыве ветерка поднимались вверх и падали на его лицо, закрывая глаза и норовя залезть ему в рот. – Где-то слышал...

– Ну, что ж, это восурское имя, очень светлое, – заметил Святозар. – Это имя великое и сильное, и восуры часто дают его своим детям.

– Ты, что думаешь, я много в своей жизни встречал восуров? – усмехаясь, спросил мальчик. – Да, ты первый восур, которого я вижу и с которым говорю. – Отрок опять замолчал, слегка склонил голову на бок, с любопытством оглядывая наследника, и улыбнувшись, добавил, – но имя Святозар, я где-то слышал... Ты, Святозар, какой-то странный... Ты вроде красивый, но шрам, прости, конечно, делает тебя... – Риолий на миг прервался, подбирая слова, и перестав улыбаться, сказал, – твое лицо может напугать любого... И одет ты, как-то странно. Такое страшное, черное одеяние, точно ты, только, что пришел из страны Бесдуха, где живут не прошедшие очищение кровью души.

Святозар оглядел себя, на нем все еще были одеты пекельные вещи: черные штаны, рубаха и чулки. Вещи в солнечных лучах были не просто черные, а еще и покрыты мелкими зелеными и бурными пятнами. Наследник засмеялся, разглядев пекельный наряд, и опустившись на землю, сел и снял чулки, да отбросил их подальше, потом скинул с себя рубаху.

– Ну, чего, – обратился он к мальчику. – Так лучше?

– Ох! – громко вскрикнул мальчик и поморщил свой нос и лоб. – Нет, так еще хуже. У тебя оказывается такие же шрамы на руках и спине. Кто же так издевался над тобой? Какая жестокая душа, могла нанести такие шрамы?

Святозар посмотрел на свои руки и тяжело вздохнул. Прямо от локтя и до плеча по правой и левой руке шли круговые, выпуклые, красные шрамы с какой-то синевой, светящейся изнутри, и с белым налетом по краям.

– Да, то была, ты прав, очень жестокая душа, – откликнулся наследник.

Святозар положил рубаху на землю и принялся над ней шептать, мгновение и рубаха ярко запылала лазурным светом, и зелено-бурные пятна на ней пропали, а миг спустя она стала блекло-серой.

– Вот это намного лучше, – улыбаясь сказал Риолий. Он стоял в нескольких шагах от наследника, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь подойти, но после все же преодолел свои опасения и шагнул ближе к Святозару, надевая свою рубаху. – Значит, ты, Святозар-восур, а пришел ты из страны Бесдуха...

– Ох, Риолий, что ты такое наплел, – перебив мальчика и скривив губы, проронил наследник. – Какая страна Бесдуха. Ты, же вроде веришь в Семаргла, или в этого вашего Есуания?

– Нет, – гневно откликнулся мальчик. – Я не верю в Есуанию, и не верю в его врага Бесдуха. – Риолий сделал глубокий вздох и гордо заявил, – я верю в Семаргла и Перуна и в их отца Сварога!

– Я тоже верю, – улыбаясь, заметил Святозар. – Поэтому меня и прислали к тебе, чтобы помочь.

– Помочь, – Риолий, сделал еще один шаг, и, встав рядом со Святозаром, посмотрел на него. Погода он опустил и сев возле него, весьма взволнованно молвил, – и, что Боги знают обо мне, Святозар? Знают, что есть на свете такой мальчик, Риолий, который живет в стране неллов?

– Конечно, знают, – тихо ответил наследник.

– Тогда, скажи, мне Святозар, – внезапно звонко выкрикнул Риолий. – Почему же тогда Боги не защитили моего отца, мою мать, моего деда которые меня любили? Почему Боги позволили их казнить? Почему тогда я остался жить с другим моим дедом, который меня не любит, который меня бьет? Почему, тогда мне сейчас приходится прятаться в этом лесу, чтобы жрецы с города Артария не схватили меня и не принесли в жертву этому Есуанию? Скажи? Ответь мне Святозар? Почему и где эти Боги, в которых верил мой отец, и в которых верю я, – и Риолий закрыл лицо ладонями да чуть слышно заплакал.

Святозар, увидел, как заплакал мальчик, как тяжело стали сотрясаться его детские плечики, и, протянув руку, погладил его по волосам, а после и вовсе притянул к себе и крепко обнял.

– Ах, Святозар, – всхлипывая, шептал Риолий. – Я так любил своих родных, так любил отца, мать, деда, любил и продолжаю любить... Мой отец был гончаром, он был лучшим мастером глиняной посуды в городе Артария. Но и он, и его отец, мой дед, они никогда не верили в Есуанию. Никогда не ходили в жрище, смотреть на кровавые жертвы. Они никому не говорили об этом, потому как боялись, что коли жрецы узнают о том, что они откольники их тут же принесут в жертву. Но кто-то, наверно соседи, донес на моего отца и деда, и явились жрецы и ярыжки, и забрали их. Я помню все так хорошо... ведь это случилось год назад. Помню, как воины схватили отца и деда и стали бить на глазах моих и матери. Мать обняла меня и прижала к себе, чтобы я не смог им помочь, чтобы не смогли схватить и меня... А после, я помню, мы ходили с ней к темницам где их держали под стражей, а потом... – Мальчик вздрогнул всем телом, тяжело всхлипнул. – Потом мы пошли в жрище, мать хотела последний раз взглянуть на отца. – Риолий замолчал, вжался лицом в грудь Святозара и тихо добавил, – мать решила уйти из Артарии, решила вернуться к своему отцу в дом. Дед жил в деревне, которая лежит на горной реке Тенетка. Когда мы сюда пришли, она заболела... Она все время бредила, и звала моего отца, а после, после... умерла. И я остался один, совсем один. Мой дед Прикифий, верит в Есуания, и заставляет меня ходить в жрище, которое сооружено в соседней деревушке и где приносят в жертву скот.

– А, разве, вы неллы, приносите в жертву еще и скот? – удивленно спросил Святозар, ласково поглаживая мальчика по волосам.

– Да, раз в десять дней жрецка в той деревне приносит в жертву ягненка или козленка, которого приводят ему люди, – кивнув головой, пояснил Риолий. – А на праздник в честь этого Есуания приносят в жертву человека. Я не ходил на эти кровавые обряды, а жрецка деревенский страшал деда тем, что объявит его, Прикифия, откольником и принесет в жертву. А дед этого очень боится, потому он бил меня... бил... Но так как я не повиновался ему, он стал говорить соседям, что я больной, юродивый, безумный... А, я даже обрадовался этому, думая, что жрецка объявит меня юродивым и не будет трогать, а дед не будет бить. Но этот жрецка он решил меня излечить от безумия. Он как-то приехал к нам в деревню, это совсем недавно было, и приказал мне пить воду, которую привез с собой, и в какую-то добавил кровь недавно принесенного в жертву ягненка. Однако я отказался пить эту воду, тогда дед и сосед моего деда схватили меня. Они крепко меня держали и пытались раскрыть мне рот, а этот жрецка старался влить мне из глиняного кувшина эту гадость, а я так разгневался... Я мотнул головой и разбил этот кувшин, да громко закричал, что их Есуания никогда и не было, и, что я верю в Семаргла и Сварога! Они испуганно вскрикнули, и на миг дед и сосед ослабели хватку, а я вырвался и убежал в лес.... Я вернулся домой, через несколько дней, дед ничего мне не сказал, но я увидел, что он стал меня сторониться и бояться. А сегодня к нам в деревню, приехали жрецы и воины из города Артария... Я как раз чинил сети, развешанные вокруг дома и вдруг... Я услышал, точно кто-то мне шепнул: «Беги, беги, скорей Риолий к вязу, жрецы приехали за тобой!» Я схватил лежащую на бревне суму, перескочил через забор и увидел

въезжающих в деревню воинов верхом на лошадях. Я перебежал дорогу, перескочил через соседский забор, и, пробежав сквозь их двор, устремился вверх по склону горы. Я бежал дюже быстро, а достигнув середины склона, упал в яму и замер, потом выглянул и увидел, что воины и небольшая колымага со жрецом остановилась около нашего дома. И тогда я вылез из ямы и побежал к вязу, как мне и велел тот голос.

– Ну, вот, видишь Риолий, – ровным голосом заметил наследник. – А ты, говоришь, что Боги не помогают тебе, а как же тогда понять тот голос, который предупредил тебя и прислал именно туда, где находился я.

Риолий отстранился от Святозара, утер свои глаза, и, глянув на него снизу вверх, улыбнувшись, сказал:

– Вяз да я все время здесь бываю... Я люблю этот вяз, потому-то и подумал, что ты один из жрецов. Потому, как и дед, и деревенские знают, что я прихожу к этому вязу.

– Знаешь, Риолий, наверно Семаргл, который меня сюда принес, – раздумчиво произнес Святозар и потрепал мальчика по волосам. – Тоже это знал, поэтому он и прислал тебя сюда, к вязу, где мы и должны с тобой встретиться.

– А зачем? Зачем, мы должны встретиться? – спросил мальчик. – И чем ты, можешь помочь мне?

– Послушай, Риолий, – ответил наследник, и принялся подниматься на ноги. – Я пришел тебя научить магии и объяснить тебе, что случилось с твоим народом за века... И, поверь мне, мальчик, разговор у нас с тобой будет очень долгим. Посему прежде, чем мы его начнем, давай поедим чего-нибудь, потому как, я, наверно долго не ел, и весьма голоден. Да, и я слышу, журчание воды, и так же сильно желаю обмыться, как и поесть. Ну, а засим когда я буду чистым, и мы с тобой оба будем сытыми, можно будет начать наш разговор.

Риолий поднялся на ноги вслед за Святозаром, и с неподдельным любопытством и восхищением оглядел фигуру наследника, затем перевел взгляд на себя, наморщил свой нос, наверно, выражая этим недовольство своей худобой и вздохнув, добавил:

– Там журчит и впрямь вода, это течет река Тенетка. Воды в ней немного, и она очень холодная, но может тебе повезет... и ты сможешь в ней обмыться, Святозар, кто ж знает. А вот с едой совсем плохо. У меня в суме лишь кусочек сыру, я конечно с тобой поделюсь, но вряд ли эта кроха насытит тебя, такого крепкого мужчину.

Святозар усмехнулся словам мальчика, и, похлопав его по худенькому плечу, в котором прямо через рубаху прощупывались острые косточки, молвил:

– Раз есть река, значит, и есть рыба, а рыбу всегда можно поймать, а поймав... ее можно запечь. Ну, а после, такую запеченную, и съесть.

– А где же ты возьмешь огонь? У меня нет кремня, и мы не сможем развести огонь, – вздыхая, сказал мальчик.

– Эх, Риолий, развести огонь в лесу, да, для меня ведуна, это самое легкое из всего того, что я наметил сделать, – откликнулся наследник.

– А, что же тогда самое тяжелое? – переступая с ноги на ногу, поспрашал Риолий.

Наследник оглядел себя, провел ладонью по своим длинным волосам, и как ему показалось ужасно грязным, и незамедлительно проронил:

– Самое тяжелое это отмыться от грязи пекельного царства. Ну, что ж, Риолий, думаю нужно именно и начать с тяжелого, то есть с мытья. Так, что веди меня к вашей реке Тенетке.

– Пойдем, – кивнул головой мальчик и повел наследника к речке.

Риолий пошел вперед, обогнул вяз и двинулся по тонкой, звериной тропе прямо к звенящей, где-то невдалеке Тенетке. Святозар тронулся следом за мальчиком. В лесу было очень сухо, а поваленные деревья, поломанные ветви преграждали путь. Высокие липы и клены, растущие кругом, создавали из своих крон, непроницаемый шатер, не давая проникать вглубь леса солнечным лучам, поэтому внизу земля была усыпана опадающей желтовато-зеленой листвой

и сухой травой. Кое-где по земле стелился лишь колючий, низкорослый кустарник, на котором укрытые зеленой листвой горели ярко-красные ягоды. Невысокие тонкоствольные, молодые деревца, да изредка встречающиеся кустарники лещины, на которых в зелено-желтой листве прятались лесные орехи, вот и все, что росло в этом лесу. Святозар остановился возле одного из кустов лещины и сорвал округлый орех, он очистил плод от уже сухих листочков-оберток, и, положив его в рот, разгрыз, внутри оказался сладкий, поспевший орех. А наследник ощутил в своей душе такую радость и благодать, от вкуса этого земного ореха, от вида этого тенистого леса, от запаха опавшей листвы, и, улыбнувшись, поспешил догнать ушедшего вперед мальчика.

– Риолий, а сейчас какое время года? Лето или осень? – спросил Святозар.

Мальчик на миг остановился, обернулся, скривив губы и недовольным голосом, точно наследник его чем-то обидел, сказал:

– Не знаю. Может лето, а может осень, но точно не зима, – и продолжил прерванный путь.

– А вы, что календарь не ведете? – поинтересовался Святозар, не обращая внимания на недовольство прозвучавшее в голосе мальчика и остановился, потому как они с Риолием вышли на берег реки.

Берег с этой стороны был высоким и обрывистым, горная река подмывала его многие века, расширяя свое русло, унося с собой землю, оголяя корни деревьев. Само русло было очень широким и усеянное огромными валунами и мелкими камнями, да поломанными, искореженными стволами деревьев. С той стороны русла, берег был более пологим и заканчивался не высоким склоном горы. Наверно весной эта река была полноводной и бурной, ее кипучие и быстрые воды несли на себе не только камни, но и легко ломая деревья, перекатывали, перемалывая их и увлекая за собой. Однако сейчас воды в реке осталось совсем немного, лишь тонкий, серебристый ручеек еще бежал, громко ударяясь о камни по самому дну русла, вытекающая из неглубоких впадин-озер.

– И это все, – разочарованно произнес Святозар. – И это вся вода...

– Да вся вода, – отметил мальчик, возмущенный в расстроенное лицо наследника. – В этом году было очень сухо, долго не было дождей. Но ты, Святозар, можешь искупаться вон в том озерке, – и Риолий указал рукой вверх по руслу, на небольшую впадинку с водой. – Там хватит воды обмыться, да и гляди там вроде рыба плавает... О... да она крупная.

– Как же вы тут живете? – спросил наследник и пошел по берегу вверх по руслу, в поисках пологого спуска. – Календарь не ведете, воды у вас в реке, словно кто-то наплакал, рыба мелкая.

– Да, нет, календарь мы ведем, только не здесь конечно, не в деревне. Здесь все слушают жреца и ему подчиняются, – молвил Риолий, идя следом за наследником. – А в Артарии и отец, и дед знали какое время года и какой месяц по счету... А тут, в этой деревне все не так. Дед говорил, что воды в Тенетке, всегда в засушливые годы мало, поэтому они и держат тут коз и баранов. Иначе без мяса здесь не выжить, ведь рыбу ловят только весной, солят и хранят вплоть до следующей весны.

Святозар наконец-то нашел спуск к речке, и придерживаясь за тонкие, гибкие ветви растущей здесь ивы, покрытой удлинненными листьями с серебристым налетом, спустился к воде. Он подошел к озерку-впадинке, снял с себя рубаху и штаны и по гладким, сухим камням подошел к воде. Наследник на миг задержался возле края впадинки-озерца, ощущая в себе необыкновенное чувство счастья от увиденной хрустально-зеленоватой поверхности воды, а затем вступил в нее сначала одной ногой, а после другой. Вода в озерце оказалось теплой, а уровень ее доходил Святозару почти до пояса. Наследник провел рукой по гладкой поверхности воды, улыбнулся ей, точно старому знакомцу, с которым долго не виделись и внезапно закрыв глаза, нырнул. Каждый раз, выныривая, Святозар довольно фыркал, тер руками свои длинные волосы, руки и ноги, стараясь чистой, речной водой, смыть с себя черноту Пекла. Когда Свя-

тозар наконец-то, как ему показалось, отмылся от страданий, горя и зла лежащего толстым слоем на его теле, он вновь нырнул в воду с открытыми глазами и огляделся кругом в надежде увидеть рыбу. Однако он поднял своим купанием со дна столько песка, ила и еще чего-то мелкого, что рассмотреть в воде, что-либо стало просто невозможно.

Наследник вынырнул, встал на ноги, и, откинув с лица мокрые волосы, задумался. Даже Бог сказал ему, что он теперь кудесник, но как пользоваться темной магией не объяснил. Однако Святозар понимал, чтобы помочь приолам и Риолию, необходимо научиться пользоваться не только светом, но и тьмой... и чтобы, вот прямо сейчас, поймать рыбу, не выходя из этой впадинки, надо воспользоваться именно способностями кудесника, объединенной силой белой и темной магии. И неожиданно наследник вспомнил Пекло, сжимаемую в руках лазурную палку Джюли, а напротив него стоящего дурашмана Пана, и свои слова выкрикнутые в гневе: «В лоб, в лоб, воткнись палка, повелеваю в лоб!» Так вот как оказывается надо говорить. Вот, что такое магия света и тьмы вместе, это не просьба, не долгий заговор с призывом в помощь Богов. Это повеленье, твое повеление как кудесника. Тогда Святозар закрыл глаза, глубоко вздохнул, и сам не ожидая от себя того, по первому протяжно шепнул, а после громко, как ему показалось, выкрикнул: «Рыба повелеваю тебе, плыви к моим ногам!» Мгновение спустя чей-то гладкий хвост, тело и плавник коснулись голых ног Святозара. Он опустил руку в воду и ухватил за жабры рыбу, бездвижно замершую возле него, да вытащив из воды, оглядел ее. Это был окунь, с ярко окрашенными плавниками и хвостом. Рыба была не крупная, чуть больше ладони.

– Риолий, – окликнул Святозар мальчика. – Держи рыбу.

Отрок стоял около ивы и своим новым ножиком отрезал от деревца небольшую веточку. Наследник бросил к ногам мальчика сначала одного окуня, потом второго, третьего, четвертого.

– Ого, – радостно выкрикнул Риолий и кинулся собирать затрепыхавшуюся на земле рыбу и ложить ее себе в суму.

Святозар достал из воды еще три рыбины такого же размера, и, бросив их к ногам мальчика, провел рукой по воде, образуя круг и только теперь уловил своим ухом, как тихо он пропел-прошептал: «Повелеваю, тебе, рыба, не подчиняйся моей воле!» Наследник почувствовал, как подле него описали оставшиеся рыбины круг, и поплыли в разные стороны. Святозар вышел на берег, протянул руку в сторону штанов и вновь пропел-прошептал, повелевая их материи приобрести серый цвет, а посем схватил рубаху и штаны, присел на корточки возле озера, и, засунув вещи в воду, принялся их полоскать, словно теперь пытался вымыть и из них скверну пекельного царства.

– Ты, чего, – насмешливо сказал Риолий подходя ближе. – Решил голым ходить... Гляди тебя все белки, такого красивого в лесу испугаются, – и звонко засмеялся.

Святозар на миг перестал полоскать рубаху, обернулся и посмотрел на громко хохочущего мальчика да тягостно передернул плечами, потому как ему показалось знакомым лицо Риолия. И не просто знакомым, а когда-то много раз виденным, но где наследник мог видеть это лицо, вспомнить ему не удалось. Он еще мгновение приглядывался, напрягая свою память, а засим сказал, обращаясь к мальчику:

– Знаешь, Риолий, все же это жестоко смеяться над моими шрамами, ты не находишь?

Отрок тут же перестал смеяться, бросил недовольный взгляд на наследника, и, усмехаясь, молвил:

– Ты, считаешь, я должен тебя пожалеть?

– Нет, – поднимаясь с присядок и выжимая мокрое белье, произнес Святозар. – Мне твоя жалость не нужна, но и надсмехаться не стоит.

– Я не думал, что ты обидишься, – протянул мальчик, и отвернул голову от наследника.

Святозар выжал воду из рубашки, распрямил ее и встряхнул, да приказал ей обсохнуть, и морг спустя, как и повелел кудесник, рубаха обсохла. Наследник надел сухую и чистую рубаху на себя и тоже, самое проделал со штанами. А когда на нем оказались сухие штаны, подвернул на них штанины до колена, да посмотрел на голые стопы, обдумывая создать ли сапоги, или все же позволить своим ногам насладиться свободой и теплотой земли. Он немного постоял, подумал и решил все же, куда кругом нет людей, выбрать последнее, и тогда развернувшись, негромко обратился к мальчику:

– Риолий, дай мне нож.

Мальчик стоял рядом и очищал ножом кору с ветки ивы. Он изумленно зыркнул на наследника, впрочем тотчас протянул ему нож. Святозар взял нож в правую руку, собрал левой свои длинные кудри волос вместе и одним махом отрезал их. А возвратив нож отроку, широко раззявшему рот, провел рукой по волосам и тихо пропел-прошептал, выравнивая их по длине.

– Ух, ты, хорошо быть ведуном, – восторженно глянув на аккуратно подстриженные волосы наследника, заметил Риолий.

– Да, только мне надо об этом не забывать, – усмехнулся Святозар, и, посмотрел на сжимаемые в руке волосы. Он не сильно подул на них, и в тоже мгновение волосы ярко вспыхнули лазурью и исчезли из его руки. – Не забывать Риолий, что я теперь все могу. А теперь давай с тобой вернемся к вязу, разведем костер и поедим.

Мальчик, молча, кивнул головой и повел наследника обратно.

Глава третья

Святозар шел следом за Риолием и разглядывал его сзади, он смотрел на его волнистые, темно-пшеничные волосы, на его фигуру, и пришел к выводу, что точно где-то видел этого мальчика. Этот белый цвет кожи, дугообразные черные брови, прямой с горбинкой нос и главное эти ярко-голубые глаза... несомненно, это человек из прошлого Святозара, но кто он? Сколько лиц прошло перед его глазами, со сколькими он общался, со сколькими был дружен, скольких любил. Даже Бог сказал, что Риолий в прошлом кудесник... великий кудесник, а много ли Святозар знал в своей жизни кудесников... без сомнения много... И в-первой и во-второй жизни, он, Святозар встречал много кудесников, много чародеев, колдунов... и... и чарколов. А у этого мальчика, Риолия очень красивое лицо, оно не миловидное... нет! лицо его пышет благородством, мужской силой, и сразу видно, что в этом теле живет смелая и храбрая душа... душа воина, бойца и ратника. Только в Риолии наследник заметил еще и, что-то жесткое, точно обжигающее. Кто же тогда этот мальчик, человек, душа, посланная в Явь, чтобы спасти остатки приолов?

Когда Святозар и Риолий подошли к вязу, то наследник огляделся кругом, подбирая место, где можно будет разбить шатер и развести костер. Прямо рядом с вязом, росла высокая красавица липа. Она была ниже вяза, и в высоту достигала саженей двенадцать, но зато у нее был не менее мощный ствол в обхвате, не намного уступающей витязю-вязу, и такая же густая крона, отличное место для привала, подумал наследник. Святозар набрал сучьев и веток, и, подойдя к липе, нашел небольшое углубление в земле, раздвинув ногой опавшую листву, он сложил туда ветки и, пропев-прошептав, разжег огонь. Как только Риолий увидел ярко вспыхнувшее пламя костра, так безмерно ему обрадовался, и, бросив суму с рыбой возле костра, побежал собирать еще ветки. Мальчик собрал и принес несколько охапок веток, тонких и толстых и свалил их рядом с костром. А когда в костре появилось достаточно углей, Святозар аккуратно закопал в них всю рыбу, каковую наловил в озере. Пока рыба пеклась в углях, под пристальным взглядом голодных глаз Риолия, Святозар расчистил от веток площадку и создал невысокий шатер, а внутри него два ложа, стол, табуреты и необходимую посуду. Лишь из неоткуда, прямо под липой появился шатер, Риолий испуганно вскрикнул и уставился на постройку, своими ярко-голубыми глазами, не решаясь зайти вовнутрь, а после поднялся с бревна, положенного возле костра, на ноги и очень тихо произнес:

– Ты, сказал, что пришел научить меня магии. Значит я скоро так тоже смогу? – Мальчик на миг замолчал, его лицо перекосилось, и он уже более громко добавил, – это хорошо... Потому, что мне очень, очень хочется, чтобы дом этого жирного и толстого жреца разлетелся на куски, а сам он лопнул на две части.

Риолий говорил это с таким гневом, его красивое лицо исказила злобная гримаса, а зубы заскрипели. Он внезапно выставил вперед левую руку, в которой сжимал нож, и начал наносить удары в воздух, точно разрезая на части невидимого врага.

– Риолий, ты, что? – вздрогнув от увиденного, воскликнул Святозар. – Сколько в тебе злобы... Если ты продолжишь так себя вести и злиться, я никогда не буду учить тебя магии, чтобы ты не натворил зла, обладая такой силой.

Риолий подскочил к наследнику, глянул на него так, словно обжег его своими голубыми глазами, и все еще крепко сжимая нож в левой руке, направив его на Святозара, закричал:

– Тебя прислал Семаргл, он повелел тебе научить меня магии, и ты должен ему подчиниться.

– Ишь, ты, как говоришь, – не менее гневно откликнулся Святозар, и, направив руку на нож мальчика, повелел ему, перелететь в его руку. И когда нож вырвался из руки Риолия, сделал в воздухе переворот и попал в руку наследника, добавил, – к твоему сведению, Семаргл

меня попросил... Он попросил меня тебе помочь. И я мог отказаться, и тогда бы ДажьБог вернул меня домой в Восурию, к моей жене, отцу, близким и друзьям, которые никогда не надсмехались бы над моими шрамами, и за которыми я очень истосковался, потому как долго их не видел... Но, я ради тебя... Слышишь, Риолий, ради тебя, приолов и Джюли пришел сюда, чтобы помочь и научить... А, ты, скверный мальчишка, унижаешь меня и надсмехаешься надо мной, и моими шрамами, каковые принесли мне столько боли и страданий, и каковые я бы, никогда, не получил, если бы мне не надо было помочь тебе.

Левая рука Риолия резко упала вниз, он опустил голову на грудь и тяжело вздохнул. Отрок еще какое-то время продолжал стоять, но после вернулся к бревну и сев на него, усталый взглядом на угли, да все тем же гневным голосом сказал:

– Уж и не очень-то нужно было, чтобы ты приходил. Тоже мне нашелся спаситель, великий ведун. – Мальчик оторвал взгляд от искорок огня, посмотрел на наследника и досказал, – и нож мне твой не нужен, я себе новый сделаю, понял, да?

– Сколько в тебе злобы, Риолий, – расстроенным голосом, заметил Святозар, и, подойдя к костру, сел на присядки принявшись разгребать веткой угли, и проверять готовность рыбы. – Ты меня совсем не знаешь, я тебе ничего плохого не сделал... а ты, Риолий то пытаешься меня обидеть злобной насмешкой, то злобным замечанием.

– Ты, мне не нравишься, – скорчив лицо, ответил мальчик. – Не нравишься и я тебе не верю... Я вообще, если хочешь знать, никому теперь не верю... потому, что все кругом словно обезумели от этого Есуания, как юродливые смотрят на льющуюся перед ними кровь. Людскую кровь и кровь ни в чем ни повинных ягнят и козлят... А ведь дурни, дурни такие все эти людишки-деревенские, разве они не видят, что этот их жрецка, надсмехается над ними. – И Риолий вновь подскочил на ноги, изогнул дугой спину, выпучив вперед живот и грудь, упер руки в бока, да гнусавым голосом заговорил, – кайтесь в своих грехах яремники, кайтесь и служите великому своему господу Есуанию. Омывайте свои пальцы в крови принесенной вами жертвы, и будете очищены от скверны и греха, и после смерти души ваши уйдут в святую землю Раявку. – Отрок прервался, злобно плюнул на землю, выпрямился, и, убрав руки с боков, добавил своим звонким, чистым, немного свистящим голосом, – а сам, подлый такой Сиосий, жирный, жирный... И ни лицо у него, а морда поросычья, и глазки навикате, сам-то он этого ягненка потом к себе в дом уносит, и жрет его, подлая, подлая свинья.

– Риолий, а ты, хочешь, чтобы твой народ перестал верить в этого Есуания? – спросил Святозар, и пронзительно глянул в обжигающие ярко-голубые глаза мальчика.

– Чего, чего ты такое сказал? – тяжело задышав, вскрикнул Риолий. – Как это он перестанет верить, да они все дурни, дурни, дальше своего носа ничего не видят, ничего не слышат. Они все трусы, трусы, трусы!.. Я их всех ненавижу, ненавижу... всех этих неллов, всех этих невольников господу Есуания!..

Святозар увидел, как мальчик разволновался, разгневался не на шутку. Он вдруг сначала затопал левой ногой, замахал руками, да громко закричал:

– Отца, отца моего, как ягненка, как ягненка резали... а... а... а...! А эти дурни стояли и смотрели, как он кричал и плакал от боли... нелюди, они нелюди... ненавижу их всех, ненавижу!...

Святозар подскочил к Риолию, лицо оно перекошилось и покраснело, а из глаз потекли крупные слезы, он схватил мальчика за плечи и хорошенько встряхнул, раз, другой.

– А... а... а...! – кричал Риолий. – Отец, отец... ненавижу их всех, ненавижу!

Святозар еще раз потрянул мальчика, но так как он не унимался, продолжая громко кричать, наследник подул ему в лицо и тихо, тихо пропел-прошептал: «Повелеваю, тебе отрок, Риолий обрети тишь и благодать!» Лишь долетел до лица мальчика легкий ветерок посланный дыханием Святозара, как Риолий вздрогнул всем телом, перестал кричать и закрыл глаза. Вмале черты его лица прояснились, скривившиеся от злобы губы распрямились, он глубоко

вздыхнул, и, задышав ровнее, стал успокаиваться, а миг спустя открыл глаза, глянул своими ярко-голубыми очами на наследника, и тихим, спокойным голосом, произнес:

– Прости, прости меня Святозар. Я не хотел тебя унижать и обижать. Это просто вырвалось.

Святозар притянул к себе мальчика, обнял его, и ласково погладив по голове, молвил:

– Пойдем Риолий трапезничать, а то рыба еще чуть-чуть и превратится в головешку.

Наследник выпустил из объятий мальчика, и, развернувшись, пошел в шатер за двумя плоскими блюдами, чтобы положить на них рыбу, для себя и Риолия. Мгновение спустя он вышел из шатра, и, подойдя к прогоревшему костру, присел подле. Неторопливо наследник убрал с рыбы угольки, положил на блюдо печеных окуней, на свое трех, а на блюдо Риолия четырех, и направился в шатер. Святозар неторопливо приблизился к столу в шатре, поставил на него блюда, и, отодвинув табурет сел на свое место да позвал мальчика, все еще тревожно переминающегося с ноги на ногу подле костра, кушать.

Отрок также как и наследник, неспешно зашел в шатер, остановился возле входа и принялся его рассматривать.

– Риолий поторопись, – вновь позвал Святозар мальчика, и убрал черную, покрытую чешуей верхнюю часть рыбы, оголив белое, нежное мясо от коего шел легкий дымок. – Иди есть, а то рыба остынет и не будет такой вкусной.

Отрока не пришлось приглашать дважды, он был так голоден, что сев за стол торопливо стал есть рыбу, при этом жадно облизывая пальцы и подбирая все оброненные кусочки. Риолий съел всех четырех окуней и, как показалось, Святозару остался голодным, но зато он сразу повеселел, заулыбался, и, взяв длинную рыбу кость, принялся водить ею по блюду и тихо, что-то напевать себе под нос. Наследник какое-то время смотрел на кости и грязные блюда, и, описав над столом рукой круг, повелел, исчезнуть костям, и стать чистыми блюдам. А когда его повеление исполнилось, довольно зыркнул на удивленное лицо Риолия, продолжающего сжимать в левой руке длинную рыбу кость, а засим взяв пустой глиняный кувшин, пошел на речку набрать чистой воды и умыться.

Святозар вернулся с полным кувшином воды с речки, в весьма приподнятом настроении, но разве не прекрасно, думал он, вновь оказаться в Яви, увидеть деревья, травы, воду и небо. Увидеть человеческое лицо, лицо мальчика... отрока у которого без сомнения хоть и изболелая, но очень светлая душа. Когда Святозар подошел к шатру, то увидел Риолия возле костра. Мальчик накидал сверху на угли, где едва поблескивали красные брызги огня, сухие ветки и теперь пытался разжечь их, ковыряя в углях палкой и настойчиво раздувая пламя. Он поднял свое покрасневшее личико, пожал плечами, и смущенно улынувшись, заметил:

– Придется тебе, Святозар, опять петь, а то огонь никак не хочет разгораться.

Святозар отдал мальчику кувшин, и, направив руку на угли и ветки, тихо пропел-прошептал:

«Повелеваю, огонь, огонь возликуй над ветвями, гори, гори!» И в тот же миг яркий лепесток огня вырвался из-под углей, упал на ветки, те громко затрещали и стали разгораться. Наследник опустил руку и посмотрел на огонь, и подумал о том, какой теперь огромной обладает он силой... И как эта сила, на самом деле, его пугает и страшит... как безропотно подчиняется теперь его повелению не только огонь, но и живое существо рыба... Раздумья наследника прервал Риолий, который вышел из шатра, куда отнес кувшин, и глянув на огонь, сказал:

– Святозар, ты как-то странно произносишь слова. Ну, то, что это другой язык я понял, но ты их как-то... как-то поешь-шипидешь. Вроде поешь, а вроде шипидешь, ты только не обижайся, но шипидешь ты, как змея.

– Ну, что ж, – переводя взгляд с пламени костра на лицо мальчика, откликнулся наследник. – И не мудрено, тут зашипеть, побудешь столько дней и ночей, среди шипящих душ и дасуней, и сам станешь, как они шипеть.

– Святозар, – переступая с ноги на ногу, спросил Риолий. – Можно я возьму нож, мне он нужен?

Наследник улыбнулся мальчику и кивнув головой, ответил:

– Я положил его на стол. И конечно ты можешь взять, ведь я тебе его подарил, а свой дар я не хочу забирать обратно... Возьми, только больше им не размахивай, ладно?

– Ладно, ладно, – радостно отозвался мальчик и побежал в шатер за ножом.

Святозар придвинул к костру, еще один короткий ствол упавшего дерева, лежащий невдалеке, и сев на него стал смотреть на огонь. Вскоре из шатра вышел улыбающийся Риолий с ножом в руках. Он сел на бревно лежащее, напротив того на котором расположился наследник, достал из мокрой сумы, ивовую веточку, и, взяв ее в руки, принялся вырезать в ней дырочки.

– Что, ты, делаешь Риолий? – поинтересовался Святозар.

– Я делаю дудочку, – пояснил мальчик, не отрываясь от своего занятия. – Дед сломал мою, так как жрецы запрещают играть на дудочках... Когда-то на берегу Твердиземного моря стоял город Хейвясёрви, и в нем..

– Погоди, погоди, – перебив мальчика, взволнованно проронил Святозар, услышав название, некогда престольного града народа руахов. – Как ты сказал, назывался этот город?

– Хейвясёрви, – ровным голосом молвил Риолий. – Такое странное название города... Отец всегда говорил, что это очень древнее слово, и что оно обозначает уже давно утеряно нашим народом.

– Оно обозначает, любимцы Богов, – тяжело вздыхая, произнес Святозар. – Город любимцев Богов...

– О... о..., – протянул Риолий. – Откуда ты знаешь это? Отец говорил это очень древнее слово и когда-то город Хейвясёрви стоял не на берегу Твердиземного моря, а совсем в других землях...

– Да, – кивнув, согласился Святозар, и, взяв несколько сухих веток, разломил их и подкинул в огонь. – Твой отец был прав, город Хейвясёрви стоял не на берегу Твердиземного моря, а в других землях, но это было так давно... при другом народе, не при нашем...

– Ну, ладно, – продолжил мальчик. – Я рассказываю про город который стоял на берегу Твердиземного моря, и там жил народ... Они были неллы, но называли себя мотакийцами, и они верили в Сварога и Семаргла, и там в том городе играли на таких дудочках. Как-то старый правитель умер, а его сын приехал к нашему царю и принял веру в Есуанию. Но мотакийцы отказались принимать веру в Есуанию, они подняли мятеж, и, взяв мечи и такие дудочки, пошли на бой с присланными к Хейвясёрви войскам и погибли, а город войны разрушили и сожгли... Сам же предатель правитель, был принесен в жертву Есуанию по приказу царя Неллии. И с тех самых пор на этих дудочках в Неллии запрещено играть. Мой прапрадед и был мотакийцем, ему удалось избежать смерти и вместе с женой и маленькими детьми переехать в город Оскольпию, а позже в Артарию. И посему мы и верим в Сварога и Семаргла, потому что мы мотакийцы, а не эти бездушные неллы. Мой отец, он дюже хорошо играл на дудочке, его звали Фадеф Руахивий.

– Фадеф, – молвил наследник. – Как, как звали отца твоего?

– Фадеф Руахивий, – ответил Риолий, и, перестав вырезать дырочки в своей ивовой веточке, подняв глаза, посмотрел на Святозара. – А меня зовут Риолий Руахивий. У неллов так принято. Если ты бедный у тебя два имени, одно из них передается детям. А если богатый, то у тебя три, четыре или даже пять имен. И передается детям лишь последнее твое имя. Мне от отца досталось имя Руахивий.

– Руахивий, – громко повторил наследник имя мальчика, догадавшись, – это наверно имя твоего рода.

– Ага. – Кивнув, согласился Риолий и продолжил свой сказ, – так вот мой отец, тоже научил меня делать такую дудочку и играть на ней. Но он всегда говорил, что у меня дар от Семаргла, потому как я всегда весьма красиво на ней играл. Отец говорил, что когда я был еще совсем маленьким, он дал мне эту дудочку. И я заиграл на ней такую прекрасную мелодию, что они были удивлены и потрясены, ведь меня никто не учил... Эх, отец, отец, – вздохнув, дополнил мальчик и принялся стругать свою дудочку с обратной от дырочек стороны.

– Риолий, а ты знаешь, что твое второе имя значит? – тихо спросил Святозар, ковыряя сучковатой палкой в костре.

Отрок оторвал взгляд от дудочки, воззрился на наследника, и отрицательно покачав головой, произнес:

– Риолий это значит истинная сила, а, что значит Руахивий, не знаю. Отец ничего не говорил.

– Тогда я скажу тебе, – взволнованным голосом проронил Святозар. – Когда-то у Бога Семаргла были его народы, которые он породил и которые он очень любил. Народы эти назывались руахи, приолы и гавры.

– Руахи, – протянул слово мальчик. – Ты хочешь сказать, что мое второе имя образовано от этого народа?

– Наверняка, – кивнув головой, ответил наследник. – Наверно твой отец из этого народа, поэтому и сохранилось в их роду название самого народа. И не зря твой прапрадед жил в городе Хейвясёрви, ведь это название города, когда-то принадлежало народу руахов. – Святозар на миг задумался припоминая рассказ Джюли, про отрока Мотакиуса, и словно самому себе, тихо добавил, – наверно этот город Хейвясёрви и построил тот мальчик Мотакиус, которого когда-то спас Джюли. Ведь Радогост сказал, что он, Мотакиус, построит город на берегу Твердиземного моря и продолжит битву за души неллов.

– Мотакиус, Джюли, Радогост, руахи... Столько новых имен и слов, может ты мне расскажешь все об этом, – попросил мальчик, и, перестав стругать свою дудочку с любопытством уставился на Святозара.

– Риолий, я все тебе расскажу, но прежде, чем я начну свой сказ, я хочу у тебя кое-что спросить. – Святозар замолчал, кинул в костер палку, и, отряхнув руки от попавшей на ладони земли и коры, молвил, – скажи мне Риолий... Ты, правда, считаешь, что всем этим людям, что живут около тебя, около твоего деда... Всем этим людям уже никак не поможешь? Скажи мне Риолий, есть ли надежда достучаться до их душ, изменить их жизнь?

Мальчик неотступно смотрел прямо в глаза Святозара. Его голубые очи неожиданно наполнились слезами, он утер тыльной стороной руки глаза и нос, и, передернув плечами, выдохнул вперед переполнявший легкие воздух, с дрожью в голосе, ответив:

– Я не знаю, Святозар, можно ли достучаться до них... наверно нет. Но если бы в моих руках был бы этот молот, которым я смог бы разрушить лживую веру в Есуания, я клянусь тебе... Я бы себя не пожалел, лишь бы только они меня услышали.

– Что ж, – обрадовано, отметил Святозар. – Значит, ты на самом деле любишь этот народ, и в твоём сердце нет к нему ненависти.

Риолий сызнава задумался над словами наследника, потер ивовой веточкой бровь, и, глянув в его лицо своим обжигающим взглядом, негромко пояснил:

– Иногда, я их так сильно люблю, мне их так жалко, всех этих глупых дурней... Но иногда на меня накатывает такая злоба. Нет, не злоба, такой гнев. Мне так становится противно, что я живу рядом, с такими глупцами, которые не видят или не хотят видеть, что твориться кругом. Они не хотят видеть, как их обманывает и обкрадывает знать, как их унижают и уничтожают жрецы, как бьют и плюют на них воины. Посмотри на меня, Святозар, я, мальчик, но я все это вижу... Я все это чувствую и замечаю, а они, все эти взрослые люди, живущие рядом со мной, они этого не видят, или не хотят видеть... У них, что нет души, которая может страдать, воз-

мущаться, гневаться и бороться? Наверно так и есть, наверно я прав, у них, у неллов нет души, у них лишь одна плоть и мясо...

– Нет, Риолий, – покачал головой Святозар. – У них там есть душа, только она жалкая, трусливая, слабая душа яремников Есуания. Душа, которая погрязла во лжи, лени и собственном бессилии. Душа, которой лень открыть глаза, оглядеться кругом, посмотреть, что происходит возле него, не только рядом с ним, в его семье, доме, деревне, городе, но и вообще... Вообще, что происходит в стране, в жизни его и его народа, в вере его и его народа. Поэтому они и молчат, затыкают уши, выкатывают вперед глаза и через такие неестественно выпученные очи смотрят на все, и вроде бы наблюдают, а на самом деле, сквозь такой туман и ничего не видят. Но ты, Риолий. – Наследник на миг затих, глянул на отрока, призывая своим взглядом его к вниманию и громким голосом, добавил, – ты, Риолий, другой! И поэтому если ты хочешь вести с этим Есуанием, с этой лживой, выдуманной верой бой... не должен пускать в свою душу ненависть и злобу. Твой стяг горит ярким желто-красным цветом, твой стяг – стяг Бога Семаргла, огненный вихрь, очищающий от всякой скверны, твой путь – путь Прави, света и добра! Ты, должен любить свой народ, даже такой униженный, глупый, несчастный... любить и жалеть и лишь тогда, Риолий, ты сможешь ему помочь.

Святозар опять замолчал, тяжело перевел дух, и, сломав пару толстых сучковатых веток, подкинул их в костер, да более спокойным, тихим голосом поведал мальчику про жизнь великих народов Бога Семаргла: руахов, приолов и гавров. Об их предательстве Богов и веры, гибели руахов от снадобья долголетия, о гибели гавров, и о том, как приолы вначале приняли двойное название народа и имен, затем поменяли веру, выдумав господу Есуания, а после и вовсе утратили свое истинное название приолов. Риолий слушал Святозара весьма внимательно. Он положил нож и свою уже почти готовую дудочку на суму, и, приоткрыв рот, внимал и впитывал каждое слово наследника. И теперь перед яркими голубыми глазами отрока точно вырисовывался другой мир его народа, великого, славного, светлого на протяжении многих веков, который постепенно забыв своих Богов, истинную веру и традиции превратился в безумное стадо баранов, безропотно,двигающееся к краю бездны, с каждым шагом приближая собственную смерть.

– Стоит Бог огня Семаргл в небесах ночами, – закончил свой сказ Святозар. – В руках у Семаргла бич полыхающий огнем. Стоит он на страже и не пускает на нашу землю зло, которое кружится, вертится в смертоносном вихре кругом земли. Каждый миг он готов прийти на помощь людям и придать им уверенность и силу, влить в их души огненный жар любви, оный выжжет Есуанию-Берцанию, сына Альби-Сантави, не Бога, а простого, простого, смертного человека. Но, чтобы, это случилось, ты, Риолий должен не позволять своей душе злиться, потому как только ты позволишь войти в свою душу злу, вместо Бога Семаргла, огня и света, там появится Чернобог, холод и тьма!

Глава четвертая

До поздней ночи Святозар и Риолий сидели около костра и разговаривали. Наследник рассказал мальчику о Богах и Небесной Сварге, о Ирий-саде куда попадают после смерти светлые души, о Яви где живет человек, совершая свой земной путь, о Пекле, где правит черными душами сам Чернобог. Знания Риолия о Богах были отрывочными, иногда эти знания перемешивались с выдуманной верой в Есуания. Мальчик знал имена светлых Богов: Сварога, Семаргла и Перуна, но совершенно не знал о родителе всего сущего Роде, о Богиню любви-Ладе-матушке, о Богине Макошь, которая прядет нить судьбы человека. Он не ведал кто такой Бог Ра и Бог Хорс, Коляда и Радогост. Его знания были ущербны и бедны, это все, что смогли сохранить его предки в борьбе за веру и Богов. Но главное, что было в душе Риолия это любовь, чистая и светлая любовь к Богам, своему народу и своей земле.

Поздней ночью, когда темное небо уже покрылось яркими мерцающими звездами, Риолий ушел спать, а Святозар все еще продолжал сидеть около костра, подбрасывая в огонь ветки и наслаждаясь этой теплой ночью, высоким звездным небом, чистым горным воздухом, журчанием реки, тихими звуками ночного леса, запахом земли и желто-красным пламенем костра, наслаждаясь Явью. Временами, когда наследник отводил свой взгляд от ярко вспыхивающего огня, и устремлял в небо, ему казалось, что кто-то легонько дует в его лицо теплым, немного обжигающим дыханием и тихо, еле слышно шепчет, что-то доброе и хорошее. И Святозар был уверен, что шептал эти добрые слова никто иной, как сам Бог Семаргл.

Святозар ушел спать лишь под утро, когда с неба на него глянул погибший сын Бога Хорса, Денница, возвещая наступление нового дня. Наследник тихо зашел в шатер, где на одном из лож крепко спал Риолий, и, подойдя к своему ложу, лег на него, подложив под голову руку, закрыл глаза и тотчас уснул. Но стоило Святозару погрузиться в сон, как перед глазами поплыл насыщенный густой, черный туман в котором стали ярко вспыхивать, а после лопаться, разлетаясь на тысячи мельчайших крупинок, яркие белые и желтые звезды. Внезапно наследник услышал сквозь сон тихую мелодию, черный туман с звездами уплыл вправо, и сквозь беловатую, прозрачно-серебристую материю он увидел огромный пиршественный зал, с широкими закругленными сверху решетчатыми окнами, украшенными золотом и камнями драгоценными. Внутри зала высились мощные столбы, на которых точно оживали каменные птицы и звери, усыпанные жемчугами и розовым топазом. На покрытых серебром стенах поднимались к потолку зеленые, изумрудные деревья, возле них извивались голубые, сапфировые травы, да цвели желтые цитриновые али красные рубиновые цветы. В зал вели широкие чеканные, опускающиеся двери. А на большом прямоугольном столе стояли золотые чаши и блюда, кубки и сосуды, полные еды и питья, рядом с блюдами лежали серебряные вилицы с тонкими, короткими, тройными зубьями. И за этим богато уставленным явствами столом слева от наследника сидел правитель Аилоунен. Он повернул голову и посмотрел на Святозара своими обжигающими ярко-голубыми глазами, да протянув руку, убрал упавшие на лицо длинные темно-пшеничные, волнистые волосы и улыбнулся. Перед глазами наследника вновь промелькнул густой, черный туман, и увидел Святозар поле битвы. На том поле Боги и люди вместе бьются против огромных волшебных существ великанов, кругом полыхают яркие вспышки молний Перуна, звонко хлещет бич Семаргла, и, не зная промаха разит великанов меч Дажь-Бога. А Святозар, видит как пятисаженный великан хватает его, за ногу, и, переворачивая вниз головой, размахивается им, и со всей силы бросает на землю. Святозар не просто ощущает полет своего тела, он чувствует и страшную боль в голове от удара о что-то острое, и глухой стук тела о поверхность земли, еще миг и черный туман, который вроде бы вновь вернулся, исчез. И видит перед собой наследник взволнованное лицо правителя и кудесника Аилоунена, слышит его тихую песню, которая снимает боль и прогоняет тяжелое дыхание. Еще мгновение

и Святозар зрит, как протягивает к нему руку правитель дамианцев Ана-Дазфаль, как бережно помогает ему подняться Аилоунен и смахивает с него кровь, обильно покрывшую его голую грудь. И слышит наследник тихие слова, сказанные мягким, певучим голосом великого кудесника: «Ты, еще, слаб, мальчик, тебе надо передохнуть, а бой мы доведем без тебя». И вновь мерещится Святозару прекрасная, подобная Богам, светлая музыка.

Наследник проснулся, открыл глаза и резко сел на ложе, а перед глазами его вновь проплыло взволнованное лицо Аилоунена, его высокий лоб, тонкие, дугообразные, черные брови, прямой с горбинкой нос и эти яркие, насыщенные голубизной глаза. Святозар порывисто задышал и только сейчас уловил своим ухом, что где-то обок звучит тихая, чудесная, завораживающая душу мелодия, чьи-то умелые пальцы, прикрывая дырочки на дудочке, выводили удивительные, не похожие ни на что трели. И Святозар вспомнил слова ДажьБога: «Ты, будешь приятно потрясен тем, кто перед тобой». Наследник улыбнулся, и, вслушиваясь в красоту мелодию, внезапно как-то радостно засмеялся, теперь он понял, кем был в прошлой жизни Риолий. Этот мальчик, и есть великий правитель Аилоунен, знаменитый кудесник, который вел за собой братские народы руахов, приолов и гавров. Сын самого Семаргла, душа которого несла в себе искорку светлой и чистой души Бога Огня.

Святозар легохонько поднялся с ложа и бесшумно приблизился к выходу из шатра.

Риолий сидел на бревне, напротив шатра, возле потухшего костра и играл на дудочке, наследник взгляделся в черты его лица и опять улыбнулся. Да, несомненно, перед ним Аилоунен, величайший кудесник, про какового сказывали, что получил он магический дар от самого Сварога, когда был еще юным отроком. Как дар, за проявленную смелость и верность свету, добру и Богам. Говорили тогда, что Бог Сварог окропил Аилоунена медовой, солнечной Сурьей принесенной из самой Небесной Сварги.

Риолий перестал играть на дудочке, поднял глаза от прогоревшего костра и посмотрел на наследника, да улыбнувшись, молвил своим певучим голосом:

– Доброе утро, Святозар.

– Здравствуй Аило... вернее Риолий, – ответил наследник, и, шагнув вперед, вышел из шатра. Он широко улыбнулся, понимая, что прав был ДажьБог, и Святозар не просто приятно потрясен этой встречей, а счастлив тем, что смог увидеть старого друга. И так вдруг захотелось сделать, что-то приятное, ему, Аилоунену, за все то добро, что когда-то щедро на него излил правитель руахов. – А, что, Риолий, не пора ли мне тебя накормить? Что бы ты хотел поесть?

– Я бы? – удивленно переспросил, мальчик и поднялся с бревна. – Я бы хотел мяса, хотя бы маленький кусочек. – Риолий облизнул губы и засунул дудочку за пояс штанов. – Дед меня кормит редко, да и то дает лишь соленую рыбу, да сыр который меняет на рыбу. А мясо я последний раз ел в Артарии, еще когда были живы мать и отец. И я бы очень хотел съесть хотя бы кусочек.

– Что ж, Риолий, – откликнулся Святозар, довольным взглядом обозревая мальчика. – Наверно пришло время попробовать мои силы, как истинного кудесника, которому... подвластна еда. – И тотчас Святозар развернулся и направился в шатер.

Наследник подошел к столу, остановился, и, выставив вперед руки, широко расставил пальцы, образуя над столом чашу, да глубоко вздохнув, пропел-прошептал: «Еда, еда, наполни стол: мясо, рыба, хлеб, молоко повелеваю появиться!» Стоило только ему дотянуть до конца последнее слово, как в тот же миг стол слегка вздрогнул, покрылся едва заметным, лазурным дымком. Святозар стремительно дунул на это легкое марево и когда он испарился, на столе оказались: блюдо жаркого из тетерева, блюдо тушеного зайца, и большой пирог с рыбой, а рядом полный молока глиняный кувшин.

– Охо... хо! – восторженно выдохнул, вошедший в шатер Риолий и устался на стол. Он тяжело сглотнул слюну, и погода спросил, – а чего же мы тогда вчера этого костлявого окуня ели, ведь выходит ты такое можешь.

– Это потому, мы его ели, Риолий, – посмотрев на пирог и тоже сглотнув слюны, откликнулся Святозар. – Что я кудесником стал совсем недавно, и еще не знаю до конца, что я умею.

– Ты ж говорил, что ты ведун, – заметил мальчик и перевел взгляд с мяса на Святозара.

– Ведун, я в прошлом, а нонче, друг мой, кудесник, – пояснил наследник, и, махнул рукой, приглашая Риолия за стол. – Ну, давай, что ли сядем не будем себя изводить голодом?

– Ага, – согласно кивнул головой мальчик и поспешил за стол.

– Придвигай себе блюдо с тушеным зайцем, – улыбаясь, сказал Святозар, и, тоже сел за стол. – Или ты будешь тетерева?

– Ы... ы... ы, – закивал головой мальчик с жадностью принявшись за зайца, и схватив в руки кусок пирога засунул его до половины в рот.

Святозар налил в чаши молока, и, придвинув к Риолию одну из них, взял в руки пирог и принялся есть. Теперь после заточения в пекельном царстве и после бесконечно однообразного мясного питания, наследник не мог смотреть не только на зайца, но и вообще на мясо, предпочитая в данный момент пирог с рыбой. Святозар неторопливо ел пирог, запивая его молоком, и наблюдал, как поедает зайца Риолий, опять жадно облизывая пальцы, и подбирая все упавшие крупиночки и крошечки на стол.

– Риолий, – негромко поспрашал Святозар. – Тебя дед совсем не кормит?

Мальчик запихнул в рот оставшийся кусок пирога, оторвался на миг от блюда с едой и быстро прожевав, широко улыбнувшись, ответил:

– Он сам не ест, и другим не дает. Сам весь высох и хочет, чтобы я таким же был. Дед говорит, господь Есуания, всегда мало ел, и поэтому попал в святую страну Раявку, и нам он это заповедовал. Потому как мало есть полезно, дольше проживешь. – Риолий внезапно громко засмеялся и добавил, – но зачем долго жить если ты плохо ешь, плохо спишь, никого не любишь... Зачем такая жизнь вообще нужна.

– А у него еще внуки есть, кроме тебя, – поинтересовался Святозар, и, увидев, что мальчик выпил все молоко, налил ему еще в чашу.

– Очень вкусно, – произнес Риолий, и, взяв чашу с молоком, отпил из нее, сделав большой глоток, да немедля от удовольствия закрыл глаза. Засим он помотал головой и почему-то тяжело вздохнув, открыл очи, с горечью в голосе добавив, – мать иногда покупала мне молока, поила меня. Оно в Артарии джее дорогое было... А дед... дед такой жадный. Мать у него была единственная дочь, а я значит единственный внук. Он знаешь, Святозар. – И мальчик поспешно допил молоко. – Он доит козу и продает соседям молоко, а на вырученные тины, покупает всякие не нужные вещи и складывает их в огромный вольный ящик с крышкой и запирает там их на замок... Наверно, он думает их забрать туда... как ты назвал это место, куда попадают черные души? А... в Пекло... вот, вот... Он их в Пекло заберет и будет там те вещи этим дасуням предлагать, чтобы они его не так сильно били... Ха... ха... ха!..

Святозар громко засмеялся шутке отрока, на миг, представив себе лицо дурашмана Пана, когда ему, дед Риолия предложит вещи из своего вольного ящика. Нежданно до наследника долетел мало различимый шум, шедший откуда-то из леса, казалось, что невдалеке, точно срубил дерево.

– Что это? – переставая смеяться, спросил мальчик, и лицо его тревожно вздрогнуло.

– Ну, чего ты испугался? – спокойно протянул Святозар и прислушался, шум в лесу вроде стих. – Мы же в лесу, мало ли кто здесь может пройти или пробежать: зверь, птица.

– Нет, здесь очень мало зверья, да и птиц тоже, – заметил, вздыхая мальчик, и взволнованно прислушался. – Люди деревенские так бедны, что они все переловили в лесах вокруг деревни. Ведь каждые десять дней надо приносить в жертву скотину. Каждая деревня должна

купить и привести общую жертву, поэтому тины, должна сдать каждая семья и за каждого человека из этой семьи, не важно младенец ты или старик... Посему детей в деревне очень мало, в основном старики и взрослые, те которые могут работать и могут заплатить тину... А если у тебя в семье дети, тебе их тяжело прокормить, вот такие отцы ходят в лес и излавливают живность. А зверье оно тоже умное, оно уходит выше в горы, туда, куда человеку не добраться.

Неожиданно совсем близко раздался треск ломаемого дерева, и стало слышно, как кто-то негромко заговорил.

– Посиди, здесь, – сказал Святозар, увидев испуганное лицо Риолия и поднявшись из-за стола, направился к выходу из шатра.

Наследник вышел из шатра и прислушался. Да, несомненно, где-то совсем близко толковали, и звуки голосов долетали откуда-то снизу, будто тот, кто разговаривал, поднимался по тропке, по которой вчера днем пришел Риолий. Святозар мгновение помедлил, а после не быстрым шагом пошел к вязу, сзади его вмаляе нагнал отрок. Наследник обернулся, на миг остановился, посмотрел на побледневшее от испуга лицо мальчика и успокоительно молвил:

– Ты, что, Риолий, посиди в шатре, я скоро вернусь.

– Нет, я пойду с тобой, – дрогнувшим голосом, ответил мальчик. Он внезапно побледнел, порывчато вздохнул и уже более твердым, наполненным гордостью голосом, добавил, – они пришли за мной. И пусть видят, я их не боюсь. И не боюсь смерти, даже из их кровавых рук.

Святозар протянул руку, погладил мальчика по непослушным темно-пшеничным волосам и добавил:

– Даже если они пришли за тобой. Они тебя не получают. Неужели я прошел Пекло, узнал тебя и отдам им... да никогда! Но если ты, хочешь, пошли вместе! И пусть они видят тебя и меня вместе, и пусть трепещут их черные души, друг мой!

Святозар развернулся и продолжил свой прерванный путь, позади него в шаге, шел, гордо подняв голову Риолий. Вскоре они подошли к вязу, и немного пройдя по тропе, остановились, увидев идущих к ним навстречу по тропинке трех людей. Двое из этих людей были воинами, потому как одеты они были в легкие тонкие кольчуги, а на головах у них сидели бронзовые шлемы, с широкими пластинами, прикрывающими носы. На поясе у них висели мечи, а в руках они держали длинные, саженные пики. Позади воинов шел третий, он был в каком-то темно-сером, длинном одеянии. Это был высокий, белокурый, плотный мужчина с неприятным лицом, узкими губами, и с блекло-кариими, точно навывкате глазами, на голове у него сидела красная, плоская шапка.

Воины, увидев стоящего и спокойно вззирающего на них Святозара и Риолия, выставили вперед пики, направив их на них и остановились.

– Кто вы такие и зачем сюда пришли? – громким голосом спросил Святозар.

Вперед вышел тот третий в темно-сером, длинном одеянии и красной, плоской шапке, он злобным взглядом оглядел наследника и низким голосом, сказал:

– А, ты, кто таков беспутный шатун, что смеешь меня самого ярыжку жреца Артарии, спрашивать. Что захотел быть принесенным в жертву нашему господу и Богу Есуанию?

– Если я тебе, ярыжка, скажу кто я... – Святозар усмехнулся и гордо зыркнул на человека. – Тебе вряд ли это понравится. Но так как я задал вопрос первым, то жду на него ответа. Зачем ты, ярыжка, жреца Артарии, пришел в этот лес?

– Ах, ты, оборванец, – злобно проронил ярыжка и лицо его дрогнуло от ненависти. – Да, как ты смеешь со мной так, говорить. Убить его! – внезапно зычно выкрикнул ярыжка и отступил назад.

Воины в тот же миг шагнули вперед, в попытке проткнуть наследника ромбовидными наконечниками пик, однако тот лишь приметив их движение, тотчас поднял руку, направил ее на воинов и тихо пропел-прошептал: «Пики, пики, мечи, мечи повелеваю вам превращайтесь во прах!» Из руки Святозара вылетел легкий лазурно-золотистый дымок и покрыл выстав-

ленные вперед пики, да подлетев к воинам ударился о кольчугу и словно густым испарением скатился по ней к мечам, покрыв лазурным дымком и ножны. Наследник не сильно дунул и немедля лазурный дым иссяк, а пики и ножны с мечами распались на крупинки и осыпались на землю. Еще мгновение земля была покрыта легкой лазурью, она два раза мигнув, потухла. Все это случилось так быстро, что ни воины, ни ихний ярыжка ничего в первый миг не поняли. Впрочем воины очнулись первыми, они сначала беспомощно глянули на вытянутые вперед пустые руки, потом ощупали то место, где раньше висели ножны, и, опустив руки, ошарашено уставились на наследника.

– Ну, чего вы, чего, схватите его, – еще громче закричал ярыжка, и теперь в его голосе звучала не только злоба, но и неподдельный страх.

Воины переглянулись и шагнули навстречу к Святозару, но тот отпрыгнул назад, затем отвел руки к груди, пропел-прошептал: «Ветер, ветер, повелеваю тебе, мощью своей сдуй этих людей!», и, выбросив руки вперед, направил их на воинов, да сильно дунул. Воины не успели еще сделать и двух шагов, как внезапно резкий порыв ветра, подхватил их и швырнул назад, так, что они пролетели саженой пять, и упали на землю. Послышался глухой удар тел о землю, скрежет ломаемых при падении веток, костей, да гулкие вопли воинов, наполненные болью и страхом.

Воины пролетели мимо ярыжки, при том не задев его. Казалось, что порыв ветра, даже не кольхнул волоска на его голове, но зато сотворенное наследником чудо, произвело изменение в лице ярыжки, потому как вся спесь и злоба безвозвратно, покинули его. Теперь ярыжка смотрел на наследника с безграничной радостью, любовью и счастьем, словно вновь увидел давно потерянного брата. Ярыжка низко поклонился, коснувшись руками поверхности земли, и испуганно глянув на выставленные вперед руки наследника, срывающимся голосом, молвил:

– Ах, ваша почтенность, я ярыжка жреца Артарии. Мы прибыли сюда нарочно, чтобы забрать вот того мальчишку именем Риолий Руахивий, сына откольника Фадефа Руахивия. Этот мальчишка является яремником господа нашего Есуания, он обезумил и стал юродливым. Мальчишка подлежит прибытию в город Артарию, для выяснения болен ли он или является, как и его отец откольником от веры.

– Не понял, я, что-то, – поинтересовался Святозар, и, опустив вниз руки, усмехнулся. – Кто такой ярыжка, кто такой яремник, и почему вы решили, что Риолий безумен?

– Ох, – тяжело выдохнул ярыжка, и утер рукой выступивший от волнения на лбу пот. – Ярыжка это низший служитель жреца, яремник это невольник, имеющий и несущий на себе ярмо от господа Бога Есуания...

– А... ну, вот теперь мне, стало все понятней, – перебив ярыжку на полуслове, заметил Святозар. – Только вот, я, должен тебя расстроить ярыжка. Этот мальчик, Риолий, – и наследник протянув руку, потрепал по волосам, стоящего слева отрока. – Он ведь знаешь не безумен... Нет! Да, и правду тебе сказать он не откольник. Потому, как Риолий верит в истинных Богов и держит в душе истинную веру. Веру в Сварога и его сына Семаргла. – Наследник увидел, как испуганно вжал голову в плечи ярыжка и с неподдельным страхом глянул на Риолия. – Ну, а кто такой на самом деле Есуания, я как чудесник, смогу тебе все разъяснить, – дополнил свою речь миг погодя наследник.

Святозар шагнул вперед, протянул руку и дотронулся пальцами до лба ярыжки и тихо пропел-прошептал: «Врут, врут тебе. Повелеваю, правда, правда торжествуй! Свет и добро покажи ему Правь!» Наследник допел до конца повеление и тотчас толкнул ярыжку в лоб. Тот покачнулся и точно подрубленное дерево тяжело плюхнулся на землю так, что хрустнули под ним ломаемые ветки, с головы слетела красная, плоская шапка, а из-под обуви вылетела пожухлая листва и куски земли. Ярыжка приземлился на землю, глаза его были открыты, рот в немом ужасе широко раззявился, ни ноги, ни руки, ни тело его не двигались, неподвижно замерев, у него даже не смыкались веки, и не вздымалась грудь, а со стороны казалось, он умер.

Риолий подбежал к ярыжке, заглянул ему в глаза, и испуганно отпрянув, спросил, обращаясь к наследнику:

– Святозар, ты его убил?

– Нет, – ответил наследник. – Просто обездвигил. Ничего, Риолий, пусть он так полежит и подумает о Прави!

– А те двое, они вроде перестали стонать, – и Риолий устремил взгляд на воинов, которые после падения, и впрямь некоторое время стонали, а сейчас затихли, наверно услышав, что у ярыжки их него тоже неприятности.

– Ну, я думаю, с ними тоже все в порядке, – молвил Святозар. – Возможно разбитая голова и поломанные ребра. И я их обязательно исцелю, но позже. Пусть они полежат, и пусть у них там поболит, а то иначе в этих пьянках и татьбах, про которые ты мне рассказывал, и которыми они занимаются, никогда они не прочувствуют страдания и боль простых людей.

– Этот ярыжка, – кивнув на служителя, пояснил Риолий. – Он тогда забирал отца и деда.

– Значит это твой старый знакомый, – заметил наследник и нежно погладил мальчика по волосам.

– Да, старый, – дрогнувшим голосом отозвался Риолий, и, вздохнув, повернулся да медленно пошел к вязу, склонив низко голову.

Святозар глянул вслед мальчику, а после перевел взгляд на ярыжку и подошел к нему ближе. Ярыжка лежал на земле, все также широко разевая рот, откуда уже вытекала слюна, не в силах пошевелиться, не в силах перевести взор и не в силах даже сглотнуть слюну. Наследник присел рядом со служителем, протянул руку, коснулся пальцами его рта, и, подув ему в лицо, негромко спросил:

– Ярыжка, как тебя звать?

Служитель наконец-то смог сомкнуть губы и сглотнуть переполнившую рот слюну, после он тяжело закрыл глаза, вздрогнул всем телом и пошевелил по первому руками, ногами, оторвав от земли голову, потряс ею. Он вновь открыл глаза, и вдруг громко всхлипнув, заплакал и запричитал:

– Как, как меня звать? Предатель, предатель веры, вот каково мое имя, а... а... а! Нет у меня имени, а... а... а!

– Чего это он? – поинтересовался, подошедший сзади Риолий, и положил руку на плечо, сидевшего рядом с ярыжкой Святозара. – Чего он так орет?

И, правда, служитель теперь не просто плакал и причитал, он стал рыдать и громко орать. Внезапно он и вовсе подскочил на месте, сел и принялся оглядываться кругом, а увидев возле себя круглый с кулак камень схватил его да начал наносить им себе удары по лбу.

– Ох! – громко выкрикнул Риолий, увидев, как колотящий себя по лбу камнем служитель разбил лоб, и из глубокого рассечения на лицо потекла алая, густая кровь.

– Предатель, предатель, предатель! Убийца, кровожадный убийца! – не переставая лупить себя камнем по лбу орал ярыжка.

– Остановись, – повелительно молвил наследник и воззрился прямо в карие глаза ярыжки. – Имя твое? Говори мне свое имя.

Ярыжка остановил уже почти поднесенный ко лбу камень, вновь тяжело вздрогнул и с невыразимой болью глянув прямо в глаза Святозара, дрожащим голосом шепнул:

– Я... я. Меня зовут Оскидий.

– Оскидий, – повторил имя Святозар, и, протянув руку забрал у ярыжки камень, откинув его в сторону. – Оскидий, ты, не должен себя калечить, потому что сегодня тебе открылась истина. Ты, познал путь Правды и путь Кривды. Тебе было дано узнать своих Богов. Узнать, что до сего момента, ты, служил выдуманному, никогда не существующему, но очень кровожадному и жестокому господу Есуанию-Берцанию. Сейчас перед тобой нахожусь я, благодаря которому, ты все смог узнать. Скажи мне, Оскидий, по какому пути ты пойдешь? По пути

Прави, по тому пути, по которому иду я и юный отрок Риолий? Или по пути Кривды, по которому все эти годы шла твоя заплутавшая, погрязшая в злобе и жестокости душа.

– Правь, Правь, Правь, – закричал Оскидий и сызнова содрогнулся всем телом. – Только не Пекло, только не та страшная вереница душ... Нет, нет, нет! – заплакал ярыжка. – У меня только, что родился сын, ему всего двадцать дней, он совсем маленький, мы даже не дали ему имя... – Утирая текущие сопли, слезы и кровь, сотрясаясь телом, выдохнул Оскидий. – У него нет имени, и я хочу, хочу, чтобы он жил, и никогда не верил в этого лживого Есуания! Только в ДажьБога, Семаргла и Перуна!

– В-первую очередь в Семаргла, – вмешался в разговор недовольный Риолий. – Семаргл породил наши народы. Народы, которые его предали и забыли.

– Да, да, – согласился Оскидий и закивал головой, разбрызгивая свое одеяние алой кровью. – Да, да, Семаргл, ДажьБог и Перун! И ДажьБог!

– Что ж Риолий, – повернув голову к мальчику, улыбнувшись, пояснил Святозар. – Не будем так требовательны к Оскидию, ведь он получил мою духовную любовь и знания от меня, поэтому у него. – Наследник, слегка понизил голос и дополнил, – у него на первом месте ДажьБог.

Риолий в ответ широко улыбнулся, малеша наморщив свой нос, а Святозар развернул голову ко все еще рыдающему ярыжке, протянул руку, дотронулся пальцами до лба и тихо пропел-прошептал: «Кровь, кровь повелеваю, остановись! Рана, рана повелеваю, затянись!» И не мешкая под пальцами перестала сочиться кровь, а кожа на лбу сомкнулась и по тонкой ниточке рассечения пробежала лазурная искорка. Еще морг и на лбу осталась лишь белая паутинка-шрам. Святозар описал рукой, не касаясь лица и одеяния Оскидия, полукруг и повелел крови пропасть. А когда его повеление исполнилось, и кровь исчезла с лица и материи одеяния, сказал, поднимаясь на ноги и протягивая ярыжке руку:

– Вставай Оскидий на ноги. А теперь пойдем и поговорим с твоими воинами.

Оскидий при помощи Святозара порывчато поднялся на ноги. Он все еще продолжал вздрагивать всем телом и утирал рукавом одеяния бегущие из глаз слезы, иначе когда наследник и Риолий направились к воинам, поспешил следом за ними.

Наследник подошел к одному из воинов, который не стонал, а лежал молча. У него, по видимому, от удара были сломаны ребра, и что-то разорвалось внутри, потому как изо рта обильно шла густая кровь, вытекающая и покрывшая не только шею, но уже и грудь.

Глаза его были закрыты, он надрывно дышал, и тяжело булькая, выпускал изо рта крупные пузыри крови. Шлем слетевший с головы воина валялся в нескольких шагах от него. Святозар присел обок воина, и, положив руки на лоб и на грудь, пропел-прошептал. Кровь тут же перестала течь изо рта, внутри тела, что-то громко захрустело и воин надрывисто застонав, открыл глаза и выплюнул на землю остатки крови, да испуганно уставился на наследника.

– Как тебя зовут? – спросил воина Святозар.

– Меня зовут Лесинтий, я третедесятник в воинстве сотвиза Амения-Риафа Ламперского, – сотрясаясь всем телом под пристальным взглядом наследника, ответил воин.

Святозар продолжая держать на лбу воина правую руку, убрал с груди левую и тихо пропел-прошептал: «Врут, врут, тебе. Повелеваю, правда, правда, торжествуй! Свет и добро покажи ему Правь!» И лишь наследник допел до конца, как Лесинтий точно также, как до этого Оскидий выпучил глаза, раскрыл рот, и затих, обездвиженный в познании истины.

Святозар посмотрел на воина, муторно вздохнул, поднялся и неторопливо пошел ко второму воину. Тот второй воин лежал в неглубокой яме, среди вороха наваленных, поломанных веток, и, судя по бесплодным попыткам подняться, скорее всего, в результате неудачного падения и полета, сломал себе обе ноги. Стоило только наследнику подойти к воину, тот вздрогнул всем телом. Он испуганно уставился на Святозара, втянул голову в плечи и закрыл рот рукой, подавляя вопль ужаса. Святозар присел рядом с воином, посмотрел на его неестественно рас-

ширенные от страха и боли глаза, и, протянув руки, поправил съехавший с головы на сторону шлем. А после, положил обе ладони на поломанные ноги, и пропел-прошептал повеление и в тот же миг кости в ногах воина закрипели, будто старые петли на тяжелых воротах, и встали на место. И как только боль с лица воина сбежала, наследник тихим голосом сказал:

– Назови свое имя.

– Винирий, – прошептал воин.

Святозар дотронулся до лба Винирия, обездвижил его и заставил познать истину и веру в Сварога и его сыновей. Он еще какое-то время посидел рядом с Винирием, безмолвно вглядываясь в черты его лица, в серо-зеленые, глубокие глаза, а засим поднявшись, чуток отошел назад, и, протянув руки к воинам, пробудил сразу обоих.

Глава пятая

Также как и Оскидий возвращенные к действительности Лесинтий и Винирий, громко плакали, и даже пытались себя покалечить, но наследник запретил им это делать, да, призвав служить добру и истинным Богам повелел встать. Воины с трудом поднялись на ноги. У Лесинтия еще немного побаливали справа ребра, а Винирий прихрамывал на правую ногу, но в целом они чувствовали себя совершенно здоровыми. Святозар осмотрел воинов, и подумал о том, что хотя бы одно его может порадовать, из нынешних способностей, это то, что излечение происходит теперь намного быстрее, чем допрежь того, почти не оставляя никакой боли.

Наследник развернулся, на ходу бросив воинам и ярыжки следовать за ним, и положив руку на плечо Риолия, направился вместе с ним к шатру. Неспешно приблизившись к костру, Святозар присел подле прогоревших и давно остывших черных углей. Он взял в руки несколько крупных веток, из лежащей неподалеку охапки, переломил их пополам и положил на пепелище, а сверху укрыл сушняком потоньше да пропев-прошептав, повелел разгореться огню. А когда пламя ярко вспыхнуло, принявшись поедать дерево, Святозар поднялся с присядок, оглянулся, и пристально словно изучая посмотрел на безмолвно стоящих позади него в нескольких шагах Оскидия, Лесинтия и Винирия, каковые низко опустив головы, тяжело вздыхали, да вздрагивали телами, по-видимому, до сих пор переосмысливали пережитое.

– Садитесь около костра, и обогрейтесь, – мягко молвил наследник и легохонько кивнул на лежащее подле его ног бревно.

Воины и ярыжка все также, не поднимая головы и не отвечая, поспешно подошли к бревну и опустили на него. Святозар еще раз глянул на поникшие лица, познавших истину, и пошел в шатер следом за Риолеем. Мальчик меж тем уже сел на табурет, придвинув его ближе к столу, и схватив в руки кусок пирога, торопливо запихнул в рот, будто страшась, что их сызнава прервут, так и не дав ему поесть. Святозар опустился на прежнее место, и, повелев кувшину, наполнится молоком, налил его себе и мальчику в чаши.

– Святозар, вот же как хорошо, что ты обладаешь такой силой, – восторженно сказал Риолий, отпив из чаши молока. – Теперь ты сможешь их всех вернуть к истинной вере... Теперь ты сможешь их заставить верить.

– Вот именно Риолий, – надрывно выдохнув, заметил недовольным голосом наследник, – заставить. Ты правильно сказал. Я заставил этих людей вернуться к истинной вере. Силой своей веры, я вложил в их души и разум, и свою веру, и свои знания. Но так не верно, нельзя насильно заставлять любить Сварога и его сыновей. Люди должны сами понять где истина, где Правда, а где Кривда... Люди должны сами выбрать для этого правильный путь, и нельзя их к этому принуждать... Иначе... иначе чем я тогда буду отличаться от Сатэги. – Святозар туго передернул плечами и скривил лицо. – Он вот точно также поступал, принуждая народы верить себя, перерождая в них все человеческое в злобное чудовище. А я... а я не такой... не хочу быть похожим на него! не хочу!.. Эти трое нам нужны. Без их помощи нам будет не пройти тот путь, что мы избрали, но больше я не стану никого заставлять. Я буду бороться с ними словом, буду объяснять им кто такой Есуания.

– И тогда, – громким голосом откликнулся Риолий, перебив наследника на полуслове. – Ты ничего не добьешься. Неужели, ты, Святозар, думаешь, они будут слушать тебя. Тебя такого светлого и доброго, они злые и черные? Да, никогда. Никогда они тебя слушать не станут. Потому, чтобы разрушить их веру, надо убить этого Есуания, а убить его можно только мечом, только силой... А твое слово, для них ничего не значит, ты ведь сам это только показал. Пока ты не швырнул их. Пока силой своей не подарил им знания, они оставались злом, яремниками этого Есуания. – Мальчик на миг задумался, положил в рот кусочек мяса, неторопливо его прожевал, и, улыбнувшись Святозару, добавил, – наверно поэтому тебя и прислали Боги. Они

знали какой ты... какой ты хороший, самый лучший. Они знали, что твоя светлая душа никогда не станет творить зло, а одно добро. Добро и надежду, вот, что ты можешь подарить этому народу, потому Боги и привели тебя к нам.

Святозар с уважением посмотрел на Риолия и подумал о том, что великая душа правителя и кудесника Аилоунена даже сейчас, пройдя забвение наложенное Ирий-садом, оказывает мощное влияние на тело и ум этого отрока. Неожиданно в шатер заглянул Оскидий и тихо закашляв, обратился к наследник:

– Не знаю, как тебя зовут чародей, волшебник, маг, волх, ведун, знахарь, ворожей, наузник, зелейник, лекарь или...

– Кудесник, – подсказал Риолий, пронзительно зыркнув в бледное лицо ярыжки. – Его надо звать кудесник.

– Хорошо, кудесник, – суетливо кивнув, поправился Оскидий. – Мне надо тебе кое-что поведать.

– Зайди в шатер, Оскидий, – позвал ярыжку наследник, и, взмахнув рукой, пропел-прошептал, и тотчас около стола появился деревянный табурет. – Присядь рядом, – добавил он, указывая на сиденье.

Оскидий вступив в шатер, по первому испуганно глянул на возникший из ниоткуда табурет, да медленно приблизившись к нему, опасливо ощупал поверхность сиденья, точно проверяя его на прочность и лишь после этого опустившись, сел на него сверху, при том порывисто выдохнув. Ярыжка с нескрываемым любопытством обозрел полупустые блюда, на коих все еще оставалось несколько кусков пирога, и наполовину недоеденное блюдо жаркого из тетерева.

– Оскидий будешь есть? – спросил наследник, улыбнувшись уголками губ проявленному изумлению.

Ярыжка отрицательно покачал головой, протянул руки, ухватился кончиками пальцев за край стола, вроде боясь упасть и вновь порывисто выдохнув, произнес:

– Кудесник, там внизу в деревне нас ожидают еще три воина и старший служитель жреца паярыжка Ивникий. Он ждет, когда мы приведем Риолия, чтобы вынести приговор и сегодня же в соседней деревне принести его в жертву, этому проклятому Есуанию.

– Ты же сказал, что вы должны были его повезти в Артарию, – скорбным голосом откликнулся Святозар и черты его лица дрогнули.

Оскидий как-то тяжело сотрясся всем телом, и, опустив взгляд, посмотрел на кусок пирога, и вовсе чуть слышно прошептал:

– Врал, я, кудесник, – засим голос его повысился и он многожды бодрее принялся пояснять, – этот мальчик сын, так называемого откольника, Фадефа... А тот на пытках, которым подвергался перед принесением в жертву сказал, что он из рода мотакийцев, и что верит в Сварога. Риолия еще тогда жрец Артарии повелел принести в жертву, но они вместе с матерью ушли из города. А недавно к жрецу Артарии поступило донесение от жречки Сиосия, что мальчик Риолий Руахивий живет у своего деда Прикифия, в соседней деревне. Вот нас и прислали за ним... И жрец Артарии повелел там же в деревне принести его в жертву, чтобы... – Губы Оскидия надрывисто задрожали, он с жалостью глянул на Риолия, оный услышав про отца, туго вздохнул. – Чтобы значит, другим не было повадно, отказываться от этого подлого Есуания.

– Ну, что ж, Оскидий, наверно следует мне сходить к этому Ивникию и объяснить, кто на самом деле предатель веры и Богов, – ответил Святозар и, подумал о том, что если бы он отказался прийти в Неллию, то сегодня его бы... его этого маленького мальчика, убили. Наследник какое-то время молчал, а потом негромко проронил, – пойдем вдвоем. А Риолий останется под охраной Лесинтия и Винирия. Он слишком мне дорог, чтобы подвергать его жизнь опасности.

– Нет! – звонко и одновременно властно молвил Риолий, и, оторвавшись от кости, какую обгладывал, вновь обжигающе глянул на наследника. – Я не останусь тут. Я пойду с тобой, Святозар.

– Святозар... – испуганно дыхнул Оскидий, и, оторвав взгляд от пирога, на оный дотоль глазел, уставился на наследника. – Мальчик, ты назвал кудесника, Святозаром?

– Не называй меня мальчиком, у меня есть имя Риолий, – гордо заявил отрок, и обдал ярыжку недовольным взором. – Да, этого человека, восура и кудесника, зовут Святозар, – дополнил миг спустя он свою речь.

– Ты, ты, – не сводя удивленного взгляда с наследника, произнес, и вовсе задышав, словно через раз Оскидий. – Ты, восур, кудесник, Святозар? Ты наследник восурского престола, который во втором весеннем месяце нырнул в Восточное море, и отправился в поддонное царство, к царю Черномору, чтобы запретить ему брать кровавые жертвы от восуров. Но как же ты сюда попал?

– Наследник восурского престола, – восхищенно воскликнул Риолий и махнул куском пирога, из которого вылетела рыбная начинка и упала сверху на жаркое из тетерева. Мальчик глянул на полет и падение начинки, весело засмеялся, и не менее восторженным голосом, отметил, – конечно, Святозар! Это тот, кто намотал Черномора бородой на руку и запустил в Восточное море, как же я сразу не вспомнил и не догадался кто ты. Теперь понятно, почему Семаргл тебя, наследник, прислали ко мне в помощь. Потому, что ты самый великий кудесник на земле.

– Нет, нет, Риолий, – улыбаясь проявленному мальчиком восхищению, отозвался Святозар и с уважением, нежностью, посмотрев на него, добавил, – поверь мне, есть и более великие кудесники, чем я. Да, и не наматывал я на руку Черномора и не запускал его в море, то все выдумка.

– Но ты его победил? – с почтением обозрев мощную фигуру Святозара, поспрашал Оскидий.

– Да, я, его победил, – ответил наследник, и малозаметно усмехнувшись, искривил уста, да тряхнул каштановыми кудрями. – Но это было во время моего нынешнего путешествия в поддонное царство.

Риолий услышав ответ Святозара еще раз, что-то восторженно выкрикнул, вновь взмахнул куском пирога, зажатым в руке, и так как из него высыпалась да упала на жаркое и оставшаяся начинка, поспешно принялся поднимать ее и спешно засовывать в рот, запивая всю эту мешанину молоком.

– Значит, вы, ваша милость, – негромко протянул Оскидий. – Прибыли к нам в страну, чтобы помочь открыть истину и поведать, кто на самом деле есть этот лживый Есуания... рассказать, что он не Бог, а сын правителя.

– Я прибыл сюда, Оскидий, не только за этим, – пояснил Святозар, и, описав рукой полукруг над своим грязным блюдом, повелел ему стать чистым. – Я пришел сюда, чтобы помочь этому мальчику Риолию.

– Этому мальчику, – несколько ошеломленно переспросил Оскидий, и, повернув голову, посмотрел на Риолия, который кусочком пирога выгребал остатки еды из блюда. – А почему именно этому мальчику?

– Этот мальчик необычный ребенок, – улыбаясь, ответил наследник, наблюдая, как Риолий наконец-то насытился, вытер белым утиральником губы и руки и воззрелся на него. – Этого мальчика избрал Семаргл, чтобы он повел свой народ, вернее его остатки к новой жизни, вернул приолам веру в Сварога и его сыновей.

– Ваша милость, но Риолий совсем дитя, – тихо молвил Оскидий и перевел взгляд с лица отрока на наследника. – Что он знает, умеет? К победе нас сможет привести лишь такой человек как вы.

– Нет, я не приол, я восур. Я могу вести к победе свой народ, – спокойным голосом сказал Святозар и легохонько передернул плечами, вроде выражая тем свою досаду. – А ваш народ к победе должен вести человек вашего рода. А Риолий это и есть тот человек. Внутри него живет великая душа, смелая и сильная и это знает не только Семаргл, теперь это знаю и я. И поверь мне Оскидий, этот мальчик, еще не раз покажет себя, как воина, ратника и бойца за веру и Богов. А теперь, пора поговорить с твоим паярыжкой Ивникием и оставшимися воинами, – наследник поднялся из-за стола, а следом за ним торопливо встали Оскидий и Риолий.

Мальчик посмотрел на наследника, своими голубыми глазами, убрал с лица прядь волос и твердым голосом произнес:

– Ну, раз я воин и ратник, то я Святозар иду с тобой. И мне тоже есть, что сказать этому Ивникию.

– Пусть будет по-твоему, – порывчато кивнув, согласился наследник.

Святозар протянул руки вперед, раскрыл над столом ладони и тихо пропел-прошептал, и немедля со стола пропали блюда, чаши и кувшин, а мгновение погода исчез и сам стол, и табуреты. Наследник вышел из шатра, вслед за Риолием и Оскидием, и тотчас воины поднялись с бревна, да вытянув руки вдоль тела, замерли, безмолвно устремив свои взгляды на него. А Святозар меж тем повернулся лицом к шатру, и, пропев-прошептав, повелел ему исчезнуть. Засим наследник повелел пропасть костру так, что на том месте, где дотоль он поигрывал лоскутами пламени, поедая сухие ветви, не осталось даже и пепелища. Бурая, опавшая листва поднятая движением руки Святозара укрыла землю, ровным слоем, будто погребла под собой все то, что еще могло напомнить о резвости жаркого огня.

Лесинтий и Винирий робко смотрели на Святозара и сотворенное им чудо, а тот подойдя ближе к воинам очень торжественно сказал, обращаясь к ним:

– Лесинтий, Винирий, там внизу в деревне, нас ждут воины. Они не знают той истины, что открылась вам, но я надеюсь, скоро они перейдут на нашу сторону. А пока вы возьмите свои пики и мечи и вступите в воинство Бога Семаргла, которое ведет юный отрок Риолий, будущий правитель народа приолов.

Лесинтий и Винирий переглянулись, а Святозар вытянул вперед обе руки и тихо пропел-прошептал: «Пики, пики, мечи, мечи повелеваю вам, восстаньте из праха!» Из его рук вырвался нежный лазурный дымок и быстро устремился в ту сторону, где происходил поединок между кудесником и воинами. Прошло лишь мгновение и дымчатая лазурь упала на поверхность пожухлой листвы... Еще кажется морг и не только листва, но и почва, и росший в шаге корявый кустик покрылись густыми, плотными, лазурными испарениями... Миг и туман ярко вспыхнул. Святозар немедля резко дунул и вырвавшийся из его уст сильный порыв ветра развеял лазурный туман, явив лежащие на земле пики и мечи в ножнах. Воины восторженно глянули на свое оружие, потом перевели взгляд на наследника, словно выпрашивая разрешения поднять его, а когда тот дозволяя кивнул, поспешили к нему, при этом один из них все еще продолжал маленько прихрамывать на ногу, а другой придерживаться за бок. Лесинтий и Винирий подбежали к оружию, остановились прямо подле него, не решаясь поднять, точно все еще не доверяя своим глазам. Однако погода Лесинтий опустил на одно колено, с почтением взял в руки ножны, и, поднявшись, укрепил их на поясе, затем он поднял пику и пошел к валяющемуся невдалеке от места его приземления шлему. Винирий последовал примеру Лесинтия, и также как тот, опустил на одно колено бережно да с почтением поднял ножны с мечом, а встав в полный рост, медленно укрепил их на поясе. Посем он подобрал пику, поправил на голове шлем, и, развернувшись бодрым шагом, пошел к наследнику, по пути поравнявшись с Лесинтием. Воины не доходя нескольких шагов, до стоящих Святозара и Риолия, вынули из ножен мечи, и резко опустили перед мальчиком на одно колено. Порывчатым движением рук они выставили вперед мечи, и, коснувшись их остриями рубахи отрока, гулко сказали: «Именем прародителя нашего Бога Семаргла, именем светлого витязя ДажьБога, именем Бога

битв и войны Перуна! Клянемся этими мечами в преданности нашей Родине, нашему народу приолов и тебе правитель Риолий!»

Мальчик с достоинством истинного правителя оглядел своих воинов и гордо ответил:

– Поднимитесь с колена, отныне вы, верные воины моего Бога Семаргла никогда не нарушайте данной вами клятвы!

Лесинтий и Винирий поднялись с колен, вложили мечи в ножны и в тот же миг легкий, обжигающий ветерок коснулся волос Риолия и Святозара, трепетно всколыхав их. И тогда почудилось наследнику, как едва слышно проплыли над ним тихие, добрые слова, выдохнутые самим Богом Семарглом.

– Ты, слышал, – повернув голову и посмотрев на наследника, прошептал Риолий. – Слышал этот голос, он сказал мне: «Шагай смело, мальчик мой!» Этот голос... голос, я его уже слышал... это...

– Это Семаргл, – улыбаясь, откликнулся наследник и потрепал Риолия по волосам. – И раз Семаргл, сказал тебе шагать смело, а мне пожелал доброго пути, то послушаем нашего Бога и пойдем вперед, туда в деревню. Указывай нам дорогу Риолий, а вы, Лесинтий и Винирий следуйте за нами.

Воины послушно и одновременно кивнули, повинувшись словам наследника, а Риолий, поднял с бревна, пустую суму, в которую он положил нож и дудочку, перекинул ее через плечо и направился вперед к вязу... к тропинке ведущей вниз в деревню, следом за ним двинулись Святозар и Оскидий, а замыкая шествие, пошли Лесинтий и Винирий. Наследник на миг оглянулся и увидел, как Оскидий поспешно схватил лежащую рядом с тропкой красную шапку и зажал в руке, а заметив насмешливый взгляд Святозара, покраснел, взволнованно замотал головой и поспешил сообщить:

– Отдам ее, Ивникию, пускай сам ее носит и служит этому подлому Есуанию.

– Да, Есуания, тут ни причем, – негромко пояснил Святозар, и, повернув голову, глянул на пшеничные волосы Риолия, шедшего впереди. – Разве он виноват, что его сделали господом и под его именем приносили в жертву людей.

– Может и не виноват, – порывисто выдохнув, ответил Оскидий. – Но теперь его имя-это символ безмерной жестокости, злобы и ненависти. Это символ безумия нашего народа. И как раньше мы восхваляли его имя, теперь все те, кто познает истину, будут его ненавидеть.

– А мне кажется нельзя его ненавидеть, Оскидий, – заметил Святозар и порывисто мотнул головой. – Ведь ненависть стоит на службе у Чернобога. Надо бороться с этим Есуанием, словом, мечом, но никак, ни ненавистью.

Оскидий некоторое время шел, молча, судя по всему обдумывая слова наследника, а немного погодя, произнес:

– Наверно вы, правы, ваша милость. Не стоит его ненавидеть, надо его презирать.

Святозар звонко засмеялся, днесь и не ведая как поправить бывшего ярыжку. Спускаясь следом за Риолием, он с интересом оглядывал лежащий пред ним лес, где росли уже не такие могучие витязи, как вяз и липа, а стояли деревья пониже, помоложе, и вниз с пологого некрутого склона горы змеевидно струилась едва заметная, тонкая тропинка.

– Оскидий, а как вы нашли этот вяз, ведь тут в лесу легко заплутать? – нарушая наступившую тишину, спросил наследник.

– До этой тропы, нас довел дед Риолия, – ответил Оскидий и дюже надрывно вздохнул. – Ну, а дальше мы шли по ней, не сворачивая, как этот предатель и объяснил. До, чего же, подлый, он этот дед Риолия, ваша милость. Ради собственной жизни, указал, где прячется его внук... Вчера, мы приехали около полудня, и думали Риолий вернется к вечеру домой, а сегодня с утра Ивникий вызвал этого Прикифия и сказал, что коли тот не укажет, где мальчик, он принесет его в жертву. И тот сразу запричитал, заплакал да поведал, что Риолий может прятаться лишь около этого вяза. Ивникий спросил деда, может ли он туда отвезти воинов

и меня, а тот так обрадовался, закивал головой и ответил, что с радостью укажет, его... Риолия, откольника. – Оскидий на миг прервался и чуть тише добавил, – Вот какой мы стали народ, даже собственные дети ничего для нас не значат.

– Оскидий, ты говорил, что у тебя родился сын. А почему, ты не дал ему имя? – поинтересовался Святозар, с глухой тоской выслушав речь бывшего ярыжка и с нежностью взглянув на мелькающий пред ним затылок бодро шагающего отрока.

– Да, ваша милость, двадцать дней назад у меня родился сын, – радостным голосом откликнулся Оскидий. – Мы с женой так долго его ждали, уже и не надеялись, что у нас будут дети... А тут сын... мальчик, и такой же красивый как жена, – ярыжка на миг прервался, а наследник оглянулся и увидел счастливое выражение на его лице. – А имя не дали, потому как имя ребенку должен дать... должен дать, по этой значит вере в Есуания, паярыжка Ивникий на тридцатый день после рождения. Какое значит пожелает, такое и даст... А чтобы дал хорошее надо заплатить сто тин, и чем меньше дашь тин, тем хуже у ребенка будет имя.

– Вот глупость какая... мой сын, значит, я и должен давать имя, – негодуя откликнулся Святозар и смахнул с лица долгую паутинку прилетевшую к нему от ветки колючего кустарника.

– Дашь сам, значит, назовут тебя откольником, и принесут в жертву, – вздыхая, пояснил Оскидий. – Имя должен дать паярыжка, и, принеся в жертву ягненка, помазать правую мочку уха ребенку.

– Мой отец, – проронил шедший впереди Риолий. – Дал мне сам мое имя... поэтому я, Риолий, истинная сила.

– Да, твой отец, дал тебе сам имя, – чуть слышно произнес Оскидий, так, чтобы мальчик его не услышал. – Поэтому его и нет в живых, и если бы не его милость, наследник восурского престола, и тебя бы тоже убили... Охо... хо.

Святозар тоже вздохнул, понимая, что бывший ярыжка прав, если бы он поддался своей тоске по близким, по друзьям и Родине, вели бы сейчас его Риолия-Аилоунена по этой тропе, Лесинтий, Винирий и Оскидий на смерть. Наследник суетливо передернул плечами и принялся разглядывать меняющуюся кругом него местность. Спустившись вниз со склона горы, на вершине которого рос тот самый красавец вяз, они оказались на небольшой поляне поросшей дубовыми деревьями. Миновав каковую сызнава продолжили спуск с высокого, пологого склона горы, на котором росли низкорослые, дубовые деревца, а кое-где встречались совсем маленькие сосенки. Сами дубочки были ужасно корявыми, с огромными, сквозными дырами и щелями внутри стволов, а порой и вовсе показывали полые, пустотелые внутренности, и стояли эти деревца, точно посаженные в ряд и казались со стороны, вроде обиженными кем-то. Чем ниже спускались с возвышения, тем чаще встречались пеньки, да срубленные, и наваленные в здоровущие кучи ветки деревьев. Наверно тот, кто рубил деревья, забирал потом лишь стволы, а сами ветви бросал, хотя многие из них можно было также порубить и использовать в топке. Земля кругом поросла пожухлой, блекло-грязной травой, сверху припорошенной опавшей листвой и сухой хвоей, а потому и сам склон чудился порушенным, несчастным или обойденным долей.

Однако вскоре деревья, обиженные на нерадивость человека и вовсе пропали и место их на взлобке заняли заросли колючего шиповника, а кое-где терна. Тропа, ведущая вниз с горы, была протоптана в усыпанных зелеными, едва покрывающимися краснотой ягодами, кустах шиповника. Некоторое время спустя пологий склон сошел на нет и впереди прямо под горой Святозар увидел раскинувшиеся небольшие участки земли, огороженные низкими плетеными из ветвей заборами. На участках поросшими травой, какими-то не высокими кустами, находились кособокие, низкие дома и такие же кособокие, низкие хозяйственные постройки. Что дома, что постройки были неопрятного, неприятного на вид темно-бурого цвета. Риолий спустившись со склона, повел следующих за ним, повдоль одного из заборов, и наследник

хорошо смог разглядеть жилище неллов. Оно было построено из глины попеременно с сухой травой, а вместо крыши лежал в виде шатра высохший переплетенный меж собой камыш. Одно оконце, было настолько малюсенькое, что наверно в доме всегда царил полумрак. Стекло в нем смотрелось выпукло-бурым, и даже издали было заметно, что оно покрыто толстым слоем грязи и пыли. Дверь плетеная из более толстых веток, до конца не прикрывала проем в дом, а потому просматривались широкие щели как вверху над ней, так и внизу под ней. Из крыши торчала короткая, наполовину развалившаяся, и вся закопченная труба. Рядом с домом поместился и вовсе крохотный ушедший в землю, низкий сарай, обнесенный загоном из веток. В том загоне прямо в перемешанной, землей и навозом, грязи лежала худючая и такая же немытая свинья. Святозар перевел взгляд с построек, с несчастной, словно умирающей свиньи, которая не просто не поднимала головы, но уже даже и не хрюкала и посмотрел на участок. На участке почти ничего не росло, лишь несколько коротких кустов, с почти облетевшей листвой, да невысокое, ужасно-нелепо обрезанное или обломанное дерево. Сам участок вес порос бурьяном, и на нем ничего кроме зеленовато-бурых трав не различалось.

А рядом с дверью дома, на такой же перекошенной и кособокой, как и само жилище, лавке, опершись на стену спинами, сидели женщина и мужчина и очень тихо разговаривали. Однако увидев проходящих мимо двора людей они на миг прервали свой разговор, испуганно и удивленно уставились на идущих, а после указывая пальцами на Риолия, что-то зашептали друг дружке. Святозар посмотрел на этих людей и тяжело вздохнул, потому что не только их дом, их земля, их свинья, но и сами они были неопрятные, немытые и худючие.

Риолий шел, не обращая не на кого внимания, вдоль забора, а когда он закончился, повернул налево и вышел на земляную дорогу с огромными ямами и рытвинами по поверхности, и только тогда остановился. Святозар ступил на дорогу и огляделся, деревня в которой жил мальчик была небольшой, дворов пятнадцать. Дворы лежали вдоль дороги справа и слева от нее. Сами дворы были узкими и короткими, справа также как и слева, они краями выходили, упираясь в пологие и высокие горы, поросшие почти до середины склона зарослями шиповника и терна. Святозар безмолвно посмотрел на эти колючие кустарниковые взлобки и подумал о том, что неллы, постарались на славу, превратив некогда богатые лесами, зверьем и птицами Ултакские горы, в бедные, безжизненные места, где за все утро лишь там, на вершине горы, где пока еще рос вяз и могучие красавцы деревья, слышал он тихое щебетание и трели птиц. Даже дети Пана Виевича, которые когда-то захватили Ултакские горы, не позволив поселиться тут гомозулям, были к природе и то более благосклонны, и на протяжении веков не уничтожали красоту этого края. «Интересно, – подумал наследник. – Живут ли они еще в Ултакских горах, или убежали от безумия неллов. Вот же смех, дети Пана, бояться неллов и Есуания... вот это извратил Чернобог веру, вот это натворил делов».

– Святозар, – прервал раздумья наследника Риолий, и, протянув руку вперед, указал на находящийся справа от дороги пятый по счету дом, такой же низкий и кособокий, как и все другие. – Это дом деда.

Наследник глянул туда, куда указал мальчик и увидел около дома деда, привязанных коней, да небольшую крытую повозку, похожую на восурский рыдван, которую даже не распрягли, наверно ожидая скорого отъезда. На облучке той повозки сидел маленький, худенький, с непомерно большой головой, седенький старичок, попеременно т-пркающий и осаживающий лошадей.

– Лесинтий, Винирий, – подозвал воинов Святозар. – Подойдите ко мне, – воины тотчас повиновались, и, приблизившись, встали подле Риолия. – Помните вы дали клятву, оберегайте вашего правителя, и идите втроем чуть позади, а я и Оскидий пойдем первыми.

Оскидий поравнялся со Святозаром, восхищенно посмотрел на него и тихим голосом спросил:

– Может мне вас, ваша милость, представить Ивникию, он до смерти боится, всякие длинные слова и титулы.

– Представить, – раздумчиво произнес наследник. – Что ж представь, пусть знает сразу с кем будет разговаривать. – Святозар потер пальцами свой шрам на щеке, посем перевел взгляд на свой перстень, оный несмотря на возвращение из Пекла, и несмотря на такой яркий, солнечный день, продолжал тускло гореть кроваво-красным светом и поморщившись, убрав руку от лица, добавил, – но скажешь, ты, вот как. – Он приблизил губы к уху Оскидия и тихо шепнул, что-то лишь слышимое ему.

– Хорошо, ваша милость, так и скажу, – довольным голосом отозвался Оскидий, и так как Святозар уже пошел, двинулся следом, не отставая от него ни на шаг.

Святозар шел и оглядывал кругом дворы, наблюдая одинаковые убогие дома и постройки, неухоженные участки, грязных животных и таких же грязных, неухоженных людей. Этот день был необычайно солнечным и теплым, не единого облачка на голубом небе, но в эту затхлую деревню, казалось и вовсе, не опускались лучи солнца, и окрест было как-то сумрачно, блекло, и даже холодно, а воздух был наполнен стойким запахом навоза, грязи и сырости. И, что больше всего поразило Святозара так это необычайная тишина в деревне... Не было слышно ни бляенья овец, ни меканья коз, ни хрюканья свиней, ни кукареканья петуха. Создавалось впечатление, что в деревне не было не только домашней скотины или птиц, но даже и людей. Наследник огляделся, и в некоторых дворах, заметил мужчин и женщин, и даже стариков, все эти люди либо недвижно сидели возле своих домов, либо также бесшумно, что-то делали на участке, Святозар на миг остановился, и, обернувшись, посмотрел на дворы, что остались позади него и догадался, почему так тихо в деревне... В деревне было тихо, потому как тут не было детей, не раздавалось громких, веселых криков малышей, смеха отроков, разговоров дев и юношей. Запустение царило не столько в жилищах и на земле, сколько в душах жителей деревни.

И сызнава тяжело вздохнул Святозар, глянул на светлое лицо Риолия, на его серьезный, чуть обжигающий взгляд голубых глаз, и, развернувшись, пошел вперед по дороге прямо к крытой повозке, которую неллы называли колымагой. Подходя ближе к колымаге, наследник услышал страшный храп плывущий из нее, и на морг почудилось ему, что это из Пекла вырвался Горыня, залез внутрь повозки и заснув, теперь издавал эти ужасные хрипы и бульканье. Возле дома деда на лавке сидели три воина, небрежно одетые. Они воткнули в землю свои пики и повесили на них шлемы. Воины, увидев идущих, поднялись и неторопливо направились к плетеной из веток калитке, а подойдя к ней, один из них, шедший первым, злобно пнул ее ногой. Створка калитки распахнулась, открывая путь воинам, и благоразумно зацепилась одним концом за забор. Воины все также неспешно вышли на дорогу, двое из них немного прошли по ездовой полосе навстречу наследнику и Оскидию и остановились, а третий встал на подножку колымаги, и, заглянув вовнутрь нее, негромко принялся будить паярыжку. Хрипы и бульканье в тот же миг прекратились, дверь колымаги открылась, и из нее вылез не высокий, полноватый человек, с очень красным лицом, маленькими глазками и седыми волосами. Он был одет в темно-серое, как и у Оскидия одеяние, а прямо на волосах у него сидела плоская, круглая шапка ярко-свекольного цвета.

Паярыжка ступил вначале ногами на подножку, затем на землю, и громко застонал, захрипел, да с трудом выпрямил спину, точно только, что скинул с себя огромный мешок, наполненный камнями. Он неспешно, вперевалку, будто большая утка, пошел к стоящим на дороге воинам, которые без остановки сплевывали на землю слюну, встал и недовольно посмотрел на поместившихся напротив него, в нескольких шагах, Святозара и Оскидия.

Внезапно Оскидий шагнул вперед, и кинул сжимаемую в руках и ужасно измятую, красную шапку, прямо под ноги паярыжке и громко сказал:

– Я более вам не служу подлый, жестокий паярыжка! Я более не яремник вашего господина Есуания! Я приол и верю в истинного Бога Сварога и его сыновей! А, ты, Ивникий, подлая твоя душонка, трепещи... потому как перед тобой сам кудесник и наследник светлой Восурии, Святозар, по реклу Велико-Достойный, сын правителя Ярила, по реклу Щедрый, который пришел к нам, к приолам, чтобы уничтожить выдуманную веру и вернуть нам наших Богов, и посадить на трон сына Бога огня Семаргла, Риолия из первого рода руахов!

Ивникий по первому, как только прилетела к его ногам шапка, злобно усмехнулся, не сводя глаз с лица Оскидия, и затопал ногами, словно конь, взволнованно ожидающий, когда же его пустят галопом. Однако когда бывший ярыжка сказал про наследника Восурии, сына правителя Ярила, перестал топотить, и даже согнал с лица злую усмешку, с любопытством посмотрел на Святозара, привстал, тяжело покачнувшись, на носочки, пытаясь разглядеть, стоящего позади Риолия. Ивникий еще мгновение хранил молчание, потом перевел взгляд на босые ноги наследника, которые тот забыл обуть в сапоги, и громко засмеявшись, произнес:

– Ах, ты, тупой шатун Оскидий, да как ты смел, бросить на дорогу, символ ярыжки, красную кафу. Ты, что перепил вина? Или хочешь смерти? Так я тебе могу это устроить.

– Ивникий, – усмехаясь, окликнул паярыжку наследник. – Ты, что плохо слышишь или плохо соображаешь? Ты не понял, кто перед тобой? А перед тобой дурашман, сам наследник престола Восурии, победитель подлого колдуна Нука и поддонного царя Черномора, сын правителя Ярила! Сейчас же прими положенный передо мной вид, пади на колени!

– Чего, чего, – злобно выкрикнул Ивникий и его красное лицо, покрылось синими пятнами. – Да, как ты смеешь беспутный оборванец.

– Ох, ну это уже не смешно, – засмеялся наследник. – Не стоит повторяться, Ивникий, – добавил Святозар и увидел, как к стоявшим рядом с Ивникием воинам подошел третий, и все они разом положили руки на рукояти мечей, потянув их из ножен.

Святозар тут же поднял руки, направил их на воинов и пропел-прошептал, и немедля они, все трое вздрогнули, вытянули руки вдоль тела, широко открыли глаза и рот, и точно как подрубленные деревья, плашмя полетели на землю, а упав на нее, неподвижно замерли.

Ивникий испуганно глянул на упавших и затихших воинов, которые выпученными глазами смотрели в небо, наверно, любуясь его голубизной, и пускали слюни, от удовольствия, через уголки рта, и, свалившись перед Святозаром на колени, низко поклонился так, что захрустела разрываемая ткань на его одеянии да гулко выкрикнул:

– Приветствую тебя, славный наследник Восурии, по реклу Велико-Достойный!

– Смотри-ка, – кивнув в сторону Ивникия, заметил Оскидию Святозар. – И рекло мое запомнил.

– А то как же, как же, – засуетился Ивникий, резво то подымая, то наново опуская голову. – Все знатные люди Неллии, знают имя великого кудесника и наследника Восурии. Наслышаны мы о ваших подвигах и геройствах. Вот только не знали мы, что вы ваша... ваша...

– Ваша милость, – подсказал, Оскидию, Ивникий.

– Да, да, ваша милость, – еще порывистой закивал головой паярыжка. – Не знали мы, что вы к нам в гости пожелуете, а то бы вас сам жрец Артарии приехал встречать, ведь...

– Замолчи, – повелительно проронил Святозар и досадливо скривил губы. – Я не пришел сюда, чтобы гостить у жреца Артарии. Я пришел сюда, чтобы вернуть приолам истинную веру в Сварога и Семаргла и посадить на трон Риолия из рода руахов. – Наследник замолчал, посмотрел сверху вниз на стоящего на коленях паярыжку, лицо которого было не просто красным, а свекольным, один в один как его кафа на голове, а маленькие глазки, испуганно бегали из стороны в сторону, и поинтересовался, – а ты, дурафья, знаешь кто такие руахи?

– Нет, нет, ваша милость, – отрицательно покачав головой, пролепетал Ивникий и громко икнул.

– Тогда, садись в свою колымагу, паярыжка и скачи в Артарию, – продолжил весьма зычно наследник. – Да, скажи своему жрецу, чтобы тот выяснил, кто такие руахи. Потому как скоро я и сын этого рода придем в Артарию, чтобы разрушить жрище и поведать истину народу.

Ивникий продолжал стоять на коленях, вздрагивая всем телом и громко икая. Он смотрел прямо в глаза наследника, да так, словно до конца не мог понять, где он и, что с ним происходит, не в силах не то, чтобы встать, но даже глубоко вздохнуть, чтобы побороть икоту.

– Ну, же, – недовольным голосом, протянул Святозар. – Ты, верно, и впрямь плохо воображаешь. Подымайся, я сказал, и скачи в свою Артарию, да дословно передай жрецу то, что я велел.

Паярыжка еще раз громко икнул, а после вскочил на ноги, да с такой легкостью и поспешностью, вроде и не было на нем, этого излишнего жира и мяса, вроде тело его было наполнено силой и мощью молодости. Ивникий развернулся, на миг, замерев над неподвижными телами воинов и опять громко и как-то раскатисто икнув, закрыл рукой рот и побежал к своей колымаге, на ходу оглядываясь и с ужасом зыркая на Святозара.

Он очень быстро преодолел промежуток, разделяющий его и колымагу, поспешно открыл дверь и с той же легкостью, с какой поднялся и бежал, нырнул вовнутрь, резким движением руки закрыл дверь и громко завизжал: «В Артарию, скорей, скорей!» Старичок, с большой головой, сидевший на облучке колымаги, от безумного крика паярыжки, подпрыгнул на месте высоко вверх. Его некрасивое лицо перекошилось, маленькие глазенки завалились куда-то вглубь глазниц, и он поспешно тронул поводья. Кони неторопливо пошли вперед, колымага миновала Святозара, Оскидия и воинов, и тогда послышался душераздирающий вопль Ивникия, такой, точно ему в колымаге только, что кто-то дюже жестокий, прижег раскаленным железом язык. Старичок опять подпрыгнул на облучке и начал хлестать плетью лошадей по спинам. Кони жалобно заржали и сначала перешли на галоп, а после и вовсе понесли колымагу во всю прыть.

– Зачем, ты, его отпустил Святозар? – спросил Риолий, когда колымага скрылась из глаз. – Ведь он все расскажет жрецу, а тот вышлет сюда воинов.

– Вот и хорошо, Риолий, – ответил Святозар, и, обернувшись, наблюдал за пылью поднятой усакавшими конями и колымагой, которая теперь кружась будто вихрь, медленно и витиевато опускалась на ездovou полосу. – Я мой друг, – и наследник перевел взгляд с пыли на Риолия. – Решил последовать твоему мудрому совету, и, воспользовавшись своей силой собрать, для тебя преданное войско.... Ну, а с простыми людьми буду говорить. И, гляди Риолий, еще миг и под твоим командованием будет пять воинов.

Наследник усмехнулся, и, протянув руку, ласково потрепал мальчика по волосам, а после развернулся и шагнул ближе к недвижно лежащим в пыли воинам. Он вытянул руку вперед, описал ею полукруг и пропел-прошептал, повелевая воинам очнуться и следовать путем Правы. В тот же миг воины зашевелили руками и ногами, тяжело сглотнули переполнившие рот слюны, заморгали веками и сели, уставившись по первому на Риолия, и оглядев его с почтением перевели взгляд на Святозара. Еще пару мгновений и они разом заплакали, запричитали. Один из воинов ухватил себя за жидкие волосенки и начал их вырывать из головы. Наследник опустил руку вниз и громко сказал:

– Повелеваю вам, остановитесь! Вы познавшие истину, следуйте путем правды! – Воины тотчас перестали рыдать, утерли слезы и носы, а тот который хотел вырвать волосы, аккуратно оправил их к низу. – И вот еще, что, – добавил Святозар. – Поднимитесь и запомните. Не стоит так часто плевать на землю. Ведь она земля наша это Богиня. Ее создал Род, совсем не для того, чтобы мы ее загрязняли и оплевывали, а для того, чтобы мы ее словно нашу мать, любили, оберегали и ценили!

Воины поднялись на ноги, отряхнули свои пыльные штаны, поправили кольчуги, и тяжело вздохнув, уставились на оплеванную кругом их ног землю. Мгновение спустя они

вынули из ножен мечи, опустились на одно колено, и, коснувшись остриями мечей рубахи Риолия, принесли ему клятву верности. Мальчик горделивым взором, оглядел свое пополнение и голосом истинного правителя повелел воинам подняться.

Святозар радостно потрепал кудри Риолия, и, положив ему на плечо руку, повел его во двор деда, следом за юным правителем, молча, двинулись Оскидий и воины.

– Риолий, – обратился Святозар к мальчику и опустился на лавку, подле дома деда, где до этого сидели воины, да посмотрел на свои ноги. – Знаешь пора нам с тобой приодеться и обуться. А то, представляю себе, чтобы сказал мой отец, правитель Восурии, увидев, как его драгоценный сын и наследник, принимает доклады от ярыжек и паярыжек не обутый. И что ж, получается, я наследник босой, ты правитель босой. Выходит мы с тобой какие-то босоногие правители. Нет, это надо срочно исправить, чтобы не позорить моего отца и мою землю.

Наследник еще какое-то время глазел на свои пальцы на ногах, ласково поглаживающие поверхность земли и пожухлые травы, посем протянул руку к лавке, пропел-прошептал повеление, и сейчас же на ней появились аккуратно сложенные лазурные штаны, онучи и чоботы, белая рубаха и опашень, да кожаный, белый пояс.

– Ох, – восторженно выдохнули Риолий, Оскидий и пятеро воинов.

А Святозар тут же поднялся с лавки и неторопливо переоделся, обулся и подвязался ремнем, и довольным взглядом обзрев себя, вmale создал вещи для Риолия, золотистого цвета: штаны, онучи, чоботы и опашень, да белую рубаху и пояс.

Риолий взял в руки опашень, провел по его гладкой поверхности пальцами и задумчиво сказал, обращаясь к Святозару:

– Я всегда любил золотистый цвет, не цвет золота, а цвет огня, пламени.

– Так и должно быть, – улыбнувшись, ответил наследник. – Ведь ты, сам, как лепесток пламени Аило... ой! вернее Риолий. Так, что давай переодевайся, а вы, – и Святозар глянул на Оскидия, Лесинтия и Винирия. – Пройдитесь по деревне и соберите людей, я с ними поговорю.

Глава шестая

Уже пять дней жил Святозар, Риолий, Оскидий и пятеро воинов в деревне. И все эти дни, наследник разговаривал с деревенскими людьми стараясь пробудить в них хоть, что-то светлое и доброе, пытаясь объяснить им лживость веры в Есуания, и чистоту истинной веры в Сварога и его сыновей. Но Риолий, оказался прав, эти люди или просто боялись слушать Святозара, или стояли, плотно сбившись в одну толпу, опустив глаза в землю, боясь уйти, только, потому что рядом находились вооруженные воины. На наследника временами накатывал такой гнев, когда он смотрел в эти безжизненные глаза, или видел кривые усмешки, а иногда и тихие, точно шипение дасуней злобные оскорбления. Наконец, к пятому дню, когда людей вновь собрали возле дома деда, и наследник услышал какое-то оскорбительное слово по отношению к Семарглу, он не выдержал и наложил на людей такое мощное познание истинной веры, что все кто стоял и молчал или криво улыбался, в раз опустили руки по швам, широко открыли рты и глаза да словно подрубленные деревья, повалились на землю. Святозар, с болью в сердце, смотрел на эти выпученные вперед блеклые очи, на худые, изможденные ужасной, разрушающей душу жизнью, лица, и думал о своей земле, о своем народе... О народе, который не надо вот так рубить и кидать в пыль и грязь, который умеет любить, верить, умеет хранить традиции, умеет трудиться и содержать в чистоте, порядке дома, избы, дворы и скотину, который умеет жить и рожать детей. Святозар вспоминал деревни и города Восурии, в коих за это время успел побывать. И во всех этих деревнях и городах царила жизнь, на улицах и во дворах было полно разновозрастной ребятни, молодежи, взрослых и стариков. Детвора крутилась возле старших братьев и сестер, те в свою очередь около отцов и матерей, перенимая знания и опыт родителей, накопленный за жизнь, а старики, нянчились с младенцами, помогая своим детям в воспитании собственных внуков и правнуков. И из всех дворов слышался смех, говор и радостные крики. В домах, дворах, и, городах, и во всей великой стране Восурии, жили, дышали, любили, в них рождались, и умирали, и нить жизни народа в них не прекращалась ни на миг. Но здесь в этой деревне Святозар видел не просто оборвавшуюся нить жизни... он видел здесь одну смерть. Наверняка, это видел не один он. Это видели и светлые Боги, и сам Чернобог, Бог зла и тьмы, который тоже не пожелал смотреть на окончательное и бесповоротное исчезновение целого народа, а значит, как правильно сказал ДажьБог, был намного разумнее всех этих царей, знати, жрецов и ярыжек, так обильно поливающих собственную землю, кровью своих же братьев и сестер.

Наследник осторожно прошелся среди безмолвно лежащих людей и насчитал среди них всего лишь пятерых ребятшек, отроков от семи до двенадцати лет, трех девочек и двух мальчиков, с худыми, изможденными от недоедания лицами, в каких-то страшных лохмотьях. Детишки лежали рядом со взрослыми каковых в деревне было не меньше тридцати человек, и выглядели такими несчастными, обделенными судьбой, грязными, что Святозару не просто стало жалко этих детей... ему стало обидно за них, за их испорченное, голодное детство, полное крови, боли и страданий, а потом внезапно стало горько за себя. Неужели, чтобы спасти родителей этих детей от полного физического и духовного вымирания, он Святозар, должен быть подобен Сатэге, должен совершать над всеми ними насилие, передавая им любовь и веру своей души, пропустив через них свои знания. Он тяжело вздохнул, еще какое-то мгновение постоял над людьми, а после описав рукой полукруг повелел им очнуться.

Люди тяжело пошевелили руками, ногами, и начали подниматься, да тревожно оглядываться так, будто видели впервые эту пожухлую траву, покрытую пылью землю, убогие жилища, неухоженную скотину и пятерых немощных и худых отроков. Из глаз их потекли слезы, послышались рыдания и причитания женщин и мужчин, не вынесших познание истины, многие старики попадали на землю и принялись ее целовать, тыкаясь в пыльную поверхность

лицами, и тяжело вздрагивая, а другие начали колотить себя руками по голове или вырывать волосы. Лишь пятеро отроков стояли смирно, опустив вдоль своего худого тела тонкие ручки, и негромко хлюпали носами, безмолвно наблюдая за рыданиями родителей. Впервые Святозар не спешил прекратить стенания людей, ему почему-то очень хотелось, чтобы старики и не только старики, а и те кто помоложе, до конца прочувствовали свое падение, свое вымирание, и может быть успели его остановить.

Немного погодя, когда по лицу некоторых, наверно, особо злобных людей, потекла кровь, Святозар громко и повелительно сказал:

– Прекратите, стенания. Поднимитесь с земли, и идите в свои жилища, да в конце концов отмойте их, уберитесь во дворах, почистите скотину, и любите, любите этих пятерых отроков, последнее, что останется на этой земле, после вашей никчемной и бесплодной жизни.

Люди услышали повеления наследника и тотчас прекратили рыдать. Они принялись вытирать свои грязные, мокрые лица и подниматься, а наследник вгляделся в их глаза, и ему почему-то показалось, что несмотря на познания истины, в них не блеснуло никакой искорки жизни, точно все эти люди, давно уже умерли. Святозар обернулся назад, и посмотрел в обжигающие голубые глаза Риолия, полные жизни и борьбы, перевел взгляд и заглянул в очи Оскидия и воинов, и увидел в их глазах искру жизни, искру борьбы. Может потому, горели глаза бывшего яржки и воинов, подумал Святозар, оно как они все же пытались выжить в этой затхлои, вымирающей стране... и пусть творили зло, пусть лебезили и лицемерили, но их черно-пятнистые души, их злобные тела делали все, чтобы продлить собственную жизнь в Яви. А люди деревни уже были мертвы... Мертвы телесно и духовно... Они погибли давно, возможно сразу после рождения, перестав бороться за собственную жизнь, махнув рукой на творящееся кругом запустение. Им было безразлично живы они или мертвы... Ходят они или сидят... Убивают их или на них плюют... Их души уже давно шли вереницей неся в ладонях воду из жидко-стоячего озера боли и страданий, ничего не желая видеть кругом и даже не ощущая на своих спинах холодные удары кнутов демонов и дасуней кружащих обок них. Святозар еще раз взглянул в глаза Риолия, и ему стало жалко правителя и кудесника Аилоунена, которому вскоре предстоит узнать всю правду о себе и о своем народе, а засим долгие, долгие годы стараться исправить и возродить то, что натворили и уничтожили его бездушные потомки.

Риолий увидел пристальный взгляд наследника, улыбнулся ему, и, кивнув, негромко заметил:

– Знаешь, Святозар, а ведь деда здесь не было. Я смотрю, он и вовсе сюда не приходит.

– Да, Риолий, я это тоже увидел, – откликнулся наследник. – Твой дед, хитрый, трусливый и очень глупый, он пришел послушать меня лишь раз, а после все время прятался. Глупец, одно слово, если бы он знал про тебя то, что знаю я... Он бы первый лежал в этой пыли... Но может и хорошо, что он не знает того, что ведаю я, потому душа твоя будет свободна от любви к нему.

Святозар какое-то время смотрел на мальчика, а когда поднявшиеся позади него люди разошлись, пошел вместе с Риолием во двор к деду, где прямо на безжизненном участке земли он, еще пять дней назад, создал три шатра. Один для себя и Риолия, второй для воинов: Винирия, Фонития, Эмилиния и Пампивия, и третий для Оскидия и Лесинтия, которых Риолий избрал, как старших среди знати и воинов, назначив Лесинтия первым воином в своем малочисленном воинстве.

Наследник и Риолий вошли в свой шатер. Святозар неспешно подойдя к столу, отодвинул табурет и сев на него, устало положил руки на стол, мальчик последовал его примеру и расположился напротив. Святозар посмотрел на свои руки и тяжело вздохнув, подумал о том, что давно уже пора открыть магические способности в теле Риолия и снять забвение с его души, что надо прекратить откладывать то, ради чего и прислали его сюда Боги, ради чего он прошел Пекло, и надо перестать, в конце концов, бояться того потрясения какое испытает душа

Аилоунена очнувшись и оглядевшись кругом. Наследник поднял руку и принялся пальцами тереть свой шрам на левой щеке.

– Ох, Святозар, – наморщив нос, откликнулся отрок. – Ну, чего ты, все время трешь свой шрам? Он и так такой страшный, выпученный, так уродует твоё лицо, а когда ты его трогаешь, он еще краснее становится, и точно полыхает изнутри серебристыми искорками. И, я, все хочу узнать, где ты его раздобыл, и кто такой злобный и жестокий, кто так мог тебя бить и оставить на твоём теле такие страшные шрамы.

– Это сейчас не важно, кто меня бил и за что, – ответил Святозар и убрал руку от лица. – Сейчас важно другое. Я, Риолий, думаю, пришло время, провести заговор, и открыть в твоём теле магические способности. И наверно, я прочитаю над тобой тот заговор, который подарил мне когда-то мой учитель царь Альм. Я уверен сила этого заговора такая мощная, а чистота, вложенная в эти слова, такая же светлая, как и сам царь альвинов Альм.

Риолий услышал слова Святозара и радостно встрепенулся, с надеждой глянул на наследника, но потом как-то сразу сник, опустил глаза и устался на стол, да легохонько вздрагивающими пальцами левой руки трепетно провел по поверхности гладкой, деревянной столешницы чуть слышно молвив:

– Знаешь, Святозар, я должен быть честен с тобой. Я не достоин, владеть магией, потому что иногда так злюсь.

– Нет, Риолий, ты не злишься, – протягивая руку и поглаживая мальчика по волосам, заметил наследник. – Ты, гневаешься, а гнев иногда бывает праведным и необходимым оружием в битве со злом. А после того, что я про тебя узнал, я не сомневаюсь, уж кто-кто, а ты точно достоин, владеть магией. Поэтому, не будем откладывать то, что я и так долго откладывал, жалея тебя. Пора тебе Аило... ой! вернее Риолий узнать всю горькую правду.

Святозар тяжело вздохнул и поднялся из-за стола. Опершись руками о его поверхность, да отодвинув табурет, он на мгновение недвижно застыл, удерживая свой взгляд на голубых очах отрока, а посем твердо решив, что время пришло, направил поступь к выходу из шатра. Наследник вышел из шатра и позвал Лесинтия, который вместе с Эмилинием ремонтировали лавку возле дома деда.

– Лесинтий, – окликнул воина Святозар. – Я закрою полог шатра, а ты встань недалече и никого не пускай вовнутрь, у меня долгий разговор с Риолием, и нас никто не должен беспокоить.

Лесинтий, только его окликнул наследник, положил на лавку молоток и гвозди, да поспешил к шатру, на ходу не менее торопливо кивнув. Святозар меж тем развязал укрепленный наверху шатра полог, и, зайдя вовнутрь, плотно прикрыл им проем входа. Потом он также медленно вернулся к центру шатра, поднял Риолия с табурета и сдвинул в сторону впритык к ложу стол, тем самым освобождая пространство. Кажется, еще мгновение он медлил, а после сел на табурет мальчика, и поставил перед собой Риолия. В шатре после того, как опустили полог царил не плотный полумрак, но наследник внимательно взгляделся в черты лица мальчика, в его ярко-голубые глаза. Он убрал с лица отрока непослушную прядь пшеничных волос, глубоко вздохнул, и, поднявшись с табурета, положил руки на его плечи, да словно ощутив под ладонями, смелую душу ратника и воина, негромко сказал:

– Риолий, закрой глаза и слушай меня... Пусть каждое мое слово впитывается твоей душой, твоим телом. Ты, слышишь, внутри тебя течет бурная река. Она омывает все твоё тело, та река полноводная и сильная, она несет твою алую кровь, питающую и творящую твою жизнь. Сердце бьется внутри тела, отсчитывая каждый миг твоей жизни, каждый ее вздох, каждый ее шаг. И теперь Риолий, когда ты ощущаешь своё тело и источник его жизни, повторяй за мной слова заговора: «По земле идет, словно плывет, да легко ступает пахарь и воин Бог Ярило. Внук солнца, он как солнечный Бог. Сын Велеса, он как лунный Бог. Идет Ярило по земле и дарит ее полям плодородие, здоровье семьям и домашнему скоту. А позади него идет его

дружина: духи домашние, духи лесные, духи водяные, духи полевые. И как раньше служили Богу Велесу, так и ныне служат они его сыну Богу Яриле. О, ты, Бог Ярило, чьим именем и чьей силой издавна творили добро альвины, услышь меня кудесника Святозара, первого из первых людей, и окропи своим светом познания мира волшебных вещей и волшебных духов, сего юного отрока по имени Риолий, чтобы мог он познать духов из твоей дружины и владея магией альвинов мог творить добро!»

Святозар дошептал заговор, и убрал руки с плеч Риолия, подняв их над его головой. И в немедля руки наследника запылали золотисто-лазурным сиянием. Свет пробежал от кончиков пальцев до локтей, а затем вернулся обратно и когда он, вновь коснулся перст Святозара, резко потух. Лишь на правом указательном пальце, где тусклым кроваво-красным светом пылал камень в перстне царя Альма, остался ярко гореть золотисто-лазурный ноготь. Свет с ногтя перетек на подушечку пальца, на морг замер, а после из него точно нарисовалась, повиснув на тонкой ниточке, большая капля, каковая постепенно увеличивалась в толщину... длину, да внезапно сорвалась с ниточки и полетела вниз, прямо в волосы Риолия. Следом за этой каплей в волосы мальчика упала вторая и третья. И как только третья капля коснулась темно-пшеничных волос Риолия, сразу же из-под них, выскочив на поверхность его кожи, побежали в разных направлениях крошечные желто-красные искорки огня. Они густо покрыли все тело отрока, его ноги, руки, волосы, веки, ресницы, губы своим сиянием и ярко вспыхнув, будто образовали пламя огня. Да, такое жаркое, обжигающее, что Святозару пришлось отступить назад, да убрать руку от головы мальчика. Наследник испуганно глянул на Риолия, который был не просто объят пламенем, а мощно горел. Его тело стало точно пожирать желто-красное пламя. На малеша опешив, он с ужасом глядел на мальчика, не ведая, что предпринять. Однако внезапно пламя, словно вошло вовнутрь тела отрока... Еще, верно, миг и тело его уже сияло изнутри желто-красным светом, а погода сияние начало меркнуть и наследник, поспешно, протянув руку ближе к Риолию ощутил, как стал спадать и жар, постепенно и вовсе сошедший на нет, да также мало-помалу на нет сошло и сияние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.